

Сергей Протасов

ПЕРЕЛЮМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Сергей Протасов

Цусимские хроники. Перелом

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Протасов С. А.

Цусимские хроники. Перелом / С. А. Протасов — «Издательство АСТ», 2023 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-152931-4

Превратности войны непредсказуемы. Из малых случайностей, дополняющих одна другую, может вырасти крупная неприятность. И тогда все, к чему уже успели привыкнуть, сметается внезапно и грубо. Вот и во Владивостоке за последние почти полгода прочно уверовали в невозможность полномасштабного вторжения в окрестные воды, но оказались жестоко разочарованы. Последовавшие за этим действия обеих сторон привели к так не желаемому Рождественским очередному генеральному сражению, где удача, которая, как известно, любит подготовленных, опять была на стороне русских. Однако противник показал себя с новой, неожиданной стороны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-152931-4

© Протасов С. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	30
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Протасов

Цусимские хроники. Перелом

*Бой кончится, примет погибших пучина,
И в скорби священной приспустят на гафеле флаг,
Флаг Родины нашей, многострадальной России,
Пробитый осколками гордый Андреевский стяг!*
Слова из песни

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 232

© Сергей Протасов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Поскольку русский Тихоокеанский флот даже в период своей максимальной боеспособности не располагал достаточными силами, чтобы вести постоянную дальнюю разведку в Японском море, вероятность внезапного появления крейсеров и миноносцев противника у наших берегов считалась весьма высокой. Повторная бомбардировка города это в полной мере подтвердила.

К середине августа – началу сентября, с учетом резкого снижения этой самой боеспособности, такая вероятность еще больше увеличилась. Причем всем было ясно, что одними минными заграждениями и береговыми батареями проблему не решить. Исходя из этого, дозорные линии на подходах к Владивостоку и у залива Посыет постоянно уплотнялись.

По мере доставки по железной дороге катеров и миноносцев, а также притока трофеев, пополнялись и ряды партии траления, уже вполне обеспечивавшей надежную проводку судов до безопасных в минном отношении глубин. Столь обширное хозяйство подчинялось теперь капитану первого ранга Похвистневу, перешедшему на эту должность с мостика «Сенявина» после его разоружения.

Этому оказался весьма рад прежний начальник партии траления лейтенант Рейн, изначально организовавший всю эту службу до должного уровня. Его шептливой натуре было довольно тяжело заниматься рутинной пахотой фарватеров, так что он буквально засыпал начальство рапортами о переводе на любой из кораблей, ходящих в море. Хоть на миноносец. В итоге попал на «Ушакова» старшим офицером, сменив переведенного в штаб флота капитана второго ранга Мусатова.

Продолжала расширяться сеть укрепленных опорных пунктов на побережье, дававших возможность найти укрытие каботажным судам в случае опасности. При этом острый дефицит современной скорострельной артиллерии старались компенсировать, где было возможно, сооружением торпедных батарей по образцу устроенных на Малмыжской оборонительной позиции в устье Амура. Хабаровская артиллерийская мастерская, не справившись со свалившимися в связи с этим на нее объемами производства, поделилась чертежами изготавливаемых ею спусковых решеток для мин Уайтхеда, оказавшихся весьма удачными. Так что в отведенные жесткие сроки уложились с соблюдением должного качества. Получилось дешево и сердито.

Активная деятельность в этом направлении позволила принципиально изменить ситуацию с безопасностью движения всего малого каботажа. Но этого было явно недостаточно. Коммуникации, растянутые вдоль малоосвоенных берегов Приморья и недостаточно укрепленного северо-восточного побережья Кореи, оставались уязвимыми, как и сам берег. Надежно контролировать его с суши было невозможно из-за сложного рельефа, необитаемости на значительном протяжении и почти полного отсутствия дорог, сильно зависящих от погоды, а с моря – из-за острой нехватки дозорных и вспомогательных единиц в составе флота. Причем эту нехватку не смогло бы покрыть даже реквизируемое всех мореходных частных судов. Их все равно было слишком мало.

В штабах вполне отдавали себе отчет, что в таких условиях вполне могло случиться, что даже о серьезном вражеском десанте станет известно далеко не сразу. Но всех успокаивало как раз это почти полное отсутствие дорог, а в некоторых случаях даже проходимых направлений, что резко сужало географию возможной высадки. Подходящих для этого мест оказывалось не так уж и много, и их усиливали в первую очередь.

Все, что можно было использовать из местных, довольно скромных ресурсов, немедленно шло в дело, но для полноценного освоения требовались серьезные капитальные вложения уже в государственных масштабах. А больше всего нужно было время, которого, как всегда, не хватало.

Все опасения оправдались с началом высадки войск противника в северо-восточной Корее. Запоздывание оперативной информации и ее искажения, в силу ряда причин не позволили принять своевременные меры по усилению атакованных районов и отражению атаки, хотя шансы для этого были.

Несмотря на то что все уже имевшиеся дозорные линии дополнительно усилили сразу, как только были получены достоверные сведения о появлении значительных японских сил в Броутоновом заливе, предотвратить нападение это не помогло. Как показали события ночи 23 сентября, к отражению серьезной атаки Тихоокеанский флот оказался не готов. И причин этому имелось сразу несколько.

Сумасшедшая гонка последних недель вымотала до предела не только экипажи кораблей эскадры и рабочих, занятых на ремонте, но также и личный состав всех вспомогательных служб порта, базы и сил охраны побережья. Экипажи тральных партий и судов внешней дозорной линии оказались вообще загнанными в прямом смысле слова, как лошади. Это привело к тому, что они порой оставались ночевать или ждать дальнейших распоряжений от начальства в любой мало-мальски подходящей бухте, просто не имея сил добраться до безопасных стоянок.

Кроме того, постоянное нервное напряжение не могло не сказаться на эффективности работы штабов, также оказавшихся совершенно измотанными постоянными проработками вариантов операций, планов боевой подготовки и увязыванием всего этого с фактическим состоянием того, что могло плавать и стрелять в море и на берегу, и сроками ремонта.

К тому же, несмотря на этот «штабной зуд», считалось, что японцы уже выдохлись и не решатся приблизиться к нашим берегам. Не только среди матросов, но даже и между офицерами шли разговоры, что кроме чисто демонстрационных действий они уже ни на что не способны.

Такой удобный стереотип не смогло разрушить даже известие об успешной высадке сразу нескольких японских полков у Порта Лазарева и Порта Шестакова. Противник все равно воспринимался как что-то гипотетическое. Тем более что для подавляющего большинства он все так же оставался где-то там, далеко, и видеть его своими глазами доводилось только разведывательным силам, регулярно ходившим к районам высадки.

К середине сентября сложилась странная ситуация. Во Владивостоке знали, где находятся японцы, какими примерно силами располагают, какими маршрутами чаще всего пользуются, но не атаковали по причине недостатка сил. Более того, даже отправить хоть какое-то снабжение своим гарнизонам, осажженным в Корее, не пытались по этим же причинам.

Японцы же, словно поддерживая негласную договоренность в ответ, старались не беспокоить сам Владивосток, целиком сосредоточившись на обеспечении безопасности своих якорных стоянок в Броутоновом заливе и растянувшихся коммуникаций, а также блокаде занятых нами корейских портов, оказавшихся теперь у них под боком. Не было ни одного нападения на наши тыловые линии снабжения, проходившие совсем рядом. Хотя по факту противник имел серьезное преимущество в миноносцах и даже в тяжелых артиллерийских кораблях, по крайней мере в самые первые дни.

В итоге вместо адекватной реакции на давно ожидаемое очередное появление японских кораблей у самых ворот главной базы последовала сначала серия упущений среди исполнителей нижнего звена, усугубившаяся резким всплеском саботажа и вредительства, местами вылившимся в вооруженные выступления. На что сверху наложилась череда противоречивых распоряжений всевозможного начальства, дополнительно запутавшая ситуацию.

Из-за всего этого использование даже оставшихся исправными самых современных линий связи оказалось неэффективным из-за огромной массы срочных и экстренных запросов всех уровней, отправляемых одновременно во всех направлениях. Только ограниченность задействованных противником сил позволила избежать более тяжелых последствий.

Началось все с того, что дозорный пароход у устья реки Тюмень-Ула принял в тумане направлявшиеся к заливу Посьет японские миноносцы за русские, возвращавшиеся из разведки. Те регулярно проходили этим маршрутом уже больше недели и успели примелькаться. Запросив позывной и увидев какое-то ответное мигание фонаря, сигнальная вахта, даже не разобрав его как следует, доложила на мостик, что ответ на запрос получен, и тревогу никто не поднял.

Затем сказала оплошность сигнального поста на острове Фуругельма, обеспечивавшего в момент появления противника завершение работы трального каравана, проверявшего фарватер и подходы к артиллерийскому полигону. Из-за плохой видимости с поста периодически подавали сигналы рындой, чтобы облегчить ориентирование четырем грунтовошаландам и двум паровым катерам, прикрываемым транспортом «Якут». Они проводили контрольное траление акватории полигона и фарватера. Эту рынду хорошо слышали и японцы. Исключительно благодаря ей они сумели быстро определиться по едва видимому в дымке скалистому южному берегу острова и остались незамеченными.

Их обнаружили, только когда они двинулись в направлении бухты Рейд Паллада, обойдя остров Фуругельма с востока и почти сразу наткнувшись на тралышки. В завязавшей скоротечной, но яростной перестрелке, сразу перешедшей в торпедную атаку, тральная партия оказалась полностью разгромлена. Под западным берегом острова успели укрыться только два побитых катера, один из которых затонул к утру. Поврежденные артиллерией и потерявшие ход шаланды были оставлены экипажами, состоявшими почти поголовно из нанятых китайцев, и спокойно затонули или были вынесены течениями в открытое море. Так или иначе, их никто больше не видел. Вооруженный транспорт «Якут», до того как японцы потеряли его из вида в быстро густевшей вечерней темноте, получил множество попаданий снарядов и также лишился возможности самостоятельно передвигаться.

Хотя ни одна из выпущенных по нему трех торпед в цель не попала, пароходу не было суждено пережить этот день. Неуправляемое судно сдрейфовало к югу, и уже через пару часов оно оказалось на русском минном поле, где подорвалось на mine и пошло ко дну.

Этот взрыв слышали с батареи на острове Фуругельма, о чем сразу сообщили в штаб обороны. Там к этому времени уже была целая кипа донесений о контактах с подозрительными судами, вторгшимися в залив с юга.

Но после вспышки артиллерийской стрельбы севернее острова, последовавшего сразу за этим появлением двух побитых катеров с плохими известиями о визите японских миноносцев и одиночным взрывом где-то на юге прошло больше часа. И все это время с других сигнальных постов неоднократно докладывали о виденных ими небольших паровых кораблях, осматривавших бухты Троицы и Лукина.

В свете всех этих сообщений взрыв на минном поле внешней линии обороны, по мнению начальства Посьетского отряда, мог означать только то, что теперь следом за разведкой в залив пытаются войти большие корабли, уже не способные пройти над минами, и это подорвался один из них. Или, что казалось наиболее вероятным, японцы тралят проход. Из-за всего этого в штабе обороны залива создавалось впечатление, что в Посьет пытается прорваться флот вторжения, под покровом ночи уже начавший форсирование линии оборонительных заграждений.

Именно в это время в бухте Троицы во тьме и ключьях тумана добрались до берега шлюпки с китайскими командами погибших шаланд, перехитрившие всех и рванувшие к дальнему берегу, чем окончательно все запутали. Недоученные пехотинцы, уже занявшие противодесантные капониры и прочие прибрежные оборонительные позиции, приняли их за передовые диверсионные группы и обстреляли, не жалея патронов.

Ответные возмущенные вопли на китайском и русском, но с сильнейшим восточным акцентом, были приняты за японские команды и азиатскую хитрость. После чего стрельбу бдительной стражи охотно поддерживали такие же соседи. Трескотня винтовочных выстрелов и

всполохи взлетающих ввысь осветительных ракет метались волнами вдоль всего берега залива Китовый. Шум поднялся невообразимый, словно началась полноценная высадка.

Именно в этот момент началась атака японских миноносцев на внутреннюю якорную стоянку рейда Посьет. Ее сравнительно легко удалось отбить береговой артиллерией. Но в прилегающих водах были потеряны две шхуны, использовавшиеся в снабжении береговых гарнизонов в Корее и сигнальных постов западного побережья залива Петра Великого. А сама атака напоминала скорее разведку, чем окончательно уверила командование района в реальной угрозе именно на этом направлении.

С противоположного берега залива Посьет было прекрасно видно всю эту иллюминацию. Хотя ружейную стрельбу из-за большого расстояния и не слышали, буханье пушек и хлопки миноносных скорострелок со стороны основной оборонительной позиции разобрали отчетливо. Находившийся в бухте Пемзоя отряд контр-адмирала Йессена, только вчера пришедший на плановые послеремонтные стрельбы и еще их не закончивший, приготовился к обороне. Прояснить ситуацию не удавалось. Радио не действовало из-за активных японских помех, а телеграфом для связи с Владивостоком монополю и, как позже выяснилось, бестолково пользовались армейцы. Так что он оказался фактически отрезанным от командования флота и не получал никаких приказов своего начальства.

Зато с поста Посьет контр-адмиралу постоянно шли приказы от сухопутного командования: «Немедленно выйти в море и вместе с уже отправленными подлодками атаковать неприятеля». Но, не имея никакого прикрытия и совершенно не представляя, какими силами располагает противник, упрямый начальник отряда малых броненосцев не хотел напрасно рисковать своими кораблями в безнадежном ночном бою.

К тому же в темноте можно было запросто напороться на камни, поскольку все маяки и бакены погасили, либо нарваться на торпеду от своей же подлодки. «Неудавшуюся» атаку на «Ушакова» под Сасебо к этому времени досконально разобрали в штабе и довели ее итоги до всех командиров кораблей.

Еще только заслышав стрельбу у острова Фуругельма, оба броненосца, имевшие теплые машины и пар в котлах, снялись с якорей и подошли максимально близко к берегу. Разразившаяся вскоре стрельба у рейда Паллада и паника на северном побережье Посьетского залива окончательно утвердили Йессена в правильности принятого решения. Противоторпедных сетей ни на его кораблях, ни на самом полигоне не оказалось, так что надеяться приходилось лишь на артиллерию или, что было более желательно, на то, что броненосцы не будут обнаружены.

Стоя на мелководье, в случае нападения противника надеялись отбиться из пушек при помощи береговой батареи на мысе Шелягина. Так виделось гораздо больше шансов сохранить отряд для полноценного утреннего удара по десантным силам. Начинать большую высадку в темноте никто явно не станет, так что спешить с этим не стоило. В свете подобных предположений все поступавшие от начальника Посьетского отряда телеграммы просто игнорировались.

Судя по всему, о месте расположения нового флотского артиллерийского полигона противнику ничего известно не было, так как миноносцы обошли его стороной, даже не попытавшись осмотреть южный берег рейда Паллада, где замерли в полной боевой готовности «Ушakov» с «Апраксинам».

Как уже бывало ранее, генерал-майор Щупинский начал требовать от моряков свезти на берег десантные роты и пушки для обороны и разразился многочисленными депешами в вышестоящие инстанции с просьбой о помощи, тем самым блокировав единственную линию проводной связи. В своих рапортах он сообщал, что в заливе Китовый уже видят многочисленные пароходы, начинающие высаживать пехоту шлюпками, хотя в полученном оттуда донесении речь шла лишь о нескольких гребных шлюпках, замеченных с берега (тех самых с китайцами).

Это полностью дезориентировало командование флота и штаб наместника, решивших, что целью атаки действительно стал именно северный берег залива Посьет, имевший сразу три бухты, вполне пригодные для быстрой высадки крупных десантов. Исходя из этого и было начато развертывание имевшихся в распоряжении скудных сил.

По этой причине направление на остров Аскольд и далее вдоль берега к мысу Поворотный, откуда также поступил сигнал о начавшемся сразу в двух местах морском бое, осталось без должного внимания. С берега врага не видели, а послать туда для прикрытия избиваемых москитных сил оказалось просто некого.

В итоге не успевшие укрыться в укрепленной гавани старого прииска на острове Аскольда катера, миноноски и прочая мелочь были рассеяны и частично потоплены. Самую стоянку в бухте Наездник на острове Аскольд также пытались атаковать. Нападавшие, наткнувшись на ответный огонь малокалиберных скорострелок у входа в бухту, сначала решительно продолжили атаку, но быстро отошли, вероятно, обнаружив след выпущенной по ним первой же мины с развернутых там береговых торпедных позиций. Их численность так и не удалось установить.

Результатом атаки противником дозорных и тральных сил у восточного выхода из залива Петра Великого в районе пролива Аскольд стала потеря трех паровых шаланд из состава тральной партии, провожавшей «Урал», и одной из миноносок ее эскорта. Причем две из трех шаланд погибли не от огня противника, а на камнях у мыса Пальчатый, спасаясь от преследования.

Судьба самого парохода-крейсера оставалась неизвестной. С сигнальных постов сообщали только о короткой, но интенсивной перестрелке, сопровождавшейся работой прожекторов в море юго-восточнее Аскольда, то есть в той стороне, куда он ушел. Взрывов никто не слышал, так что оставался шанс, что удалось отбиться.

Связи по радио в восточном направлении не было с начала ночи. Помехи. Телеграфная линия к Ольгинскому укрепленному району и далее оказалась повреждена где-то за мысом Поворотный. С заливом Америка и Сучанскими копиями еще могли обмениваться депешами, но дальше Хмыловки они не проходили. Судя по всему, обрыв был снова где-то на перевале выше по реке. Там пару дней назад уже случилась перестрелка телеграфистов-ремонтников с хунхузами. В Николаевске-на-Амуре пока все было спокойно, но телеграфная связь между Софийском и заливом Де-Кастри, где шел провод через пролив на Сахалин, также не действовала. Соответственно, ничего не было известно о положении дел на острове-каторге и у Курильских островов. Из-за всего этого теперь не поступало вообще никаких известий со всего восточного фланга. Оценить общую ситуацию в таких условиях оказалось очень непросто!

А японцы напирали. Несмотря на то что туман неожиданно рассеялся, они прошли в виду мыса Гамова, островов Римского-Корсакова и углубились в Амурский залив за остров Стенина, явно обходя минное заграждение перед мысом Брюса. Так далеко они еще не забивались. Отступить их заставил только пуск ракет с одной из островных осветительных батарей и залп дежурного крейсера «Светлана», выдвинувшегося от острова Рикорда для отражения попытки высадки крупного десанта еще и в Славянском заливе, как все уже считали.

В крепости объявили общую тревогу, закрыв для гражданского использования телеграф и вокзал. Плавание всех частных маломерных судов в бухтах Новик и Золотой Рог полностью запретили. Из двух эшелонов с войсками, уже отправленных из гарнизона крепости в пост Посьет узкоколейкой, один «тормознули» на разъезде Алмазовка, едва эшелон перевалил мост через реку Монгуай. Туда телеграфировали приказ: «Спешно выдвигаться пешим порядком к деревням Нижние Седми и Сухая Речка в Славянском заливе и готовиться отражать десант». А второй поезд продвинули до урочища Славянка, где приказали выгружаться и занять недостроенные укрепления по реке Айдеми и у деревни Брусся. Вдоль берега направили усиленные казачьи разъезды, опасаясь, что японцы попытаются высадиться в Славянском заливе даже

ночью. Под утро приморским трактом на юг ушли еще и две конные батареи в сопровождении сотни казаков из резервов, стоявших в Занадворовке.

По изначально доработанным планам обороны, Славянский залив должен был прикрываться защищенной артиллерийской позицией у мыса Брюса, на которой раньше стоял «Сисой», ремонтировавшийся теперь в доке. После его ухода там оставалась только трехорудийная батарея старых обуховских шестидюймовок. Этого теперь казалось явно недостаточно.

Поскольку по его восточному берегу проходили Прибрежный тракт и узкоколейка, потеря Славянского залива сразу отрезала бы залив Посет от Владивостока, не позволив ни выдвинуть туда подкрепления, ни отвести оттуда силы обороны в случае возникновения такой необходимости. При этом полностью обрушивая почти готовую оборону по левому берегу реки Айдеми, находившуюся в десяти верстах южнее.

В штабах были сильно встревожены столь вызывающими действиями противника. На разведку отправили даже «Кефаль», единственную подводную лодку, остававшуюся во Владивостоке в относительно боеспособном состоянии. Хотя эффективность ночной разведки с едва возвышавшегося над поверхностью моря тихоходного и неповоротливого суденышка, еще толком не освоенного экипажем, вызывала серьезные сомнения у всех, кто представлял, что это такое.

Доклады о подозрительных контактах продолжали поступать. Как и ожидалось, японские миноносцы, прикрываемые вспомогательными крейсерами, действовали только в узких проходах вдоль самого берега, не пересекая линию своего заграждения между островами Римского-Корсакова и Аскольдом, но усиления задействованных ими сил до сих пор отмечено не было. Исходя из этого, появилось предположение, что это вовсе не десант, а попытка провести подлодки как можно ближе к проливу Босфор Восточный для атаки наших кораблей прямо в гаванях.

Подходы непосредственно к бухтам Золотой Рог и Новик начали спешно перекрывать дополнительными импровизированными дозорами, в которые загребали все портовые катера, буксиры и даже частные рыбацкие, прогулочные, промысловые и каботажные суда, подвернувшиеся под руку. На самих стоянках организовывали шлюпочные дозоры, а также пешие и конные патрули вдоль берегов из матросов и солдат гарнизона. А сразу после полуночи, когда японцы неожиданно откатились южнее, начали контрольное траление фарватеров, ориентируясь по огням на катерах, выставленных у острова Скрыплева, и по створным кострам в бухте Патрокл. Штатные навигационные огни было категорически запрещено использовать до рассвета.

Кроме того, для осмотра побережья и недопущения никакой сигнализации противнику мобилизовали все полицейские силы города вместе с ополченцами и добровольцами из числа горожан и не занятых на работах приезжих, до самого утра рыскавших по берегам Амурского и Уссурийского заливов.

При этом толком организовать всю эту самодеятельность никто не успел, что привело к ложным донесениям об обнаружении подозрительных судов (оказавшихся нашими же дозорными шлюпками), несколькими случаями «дружественного мордобоя», по причине перевозбуждения некоторых активистов и вызванной этим всеобщей чрезвычайной подозрительности. К счастью, без жертв.

Но часть добровольцев сбежали с постов вместе с оружием и вернулись в город. Там они уже под утро смогли организовать и напасть на тюрьму смяв охрану никак не ожидавшую ничего подобного, и выпустив всех арестантов. Одновременно атаковали и телеграф, завладев им, правда, всего на полчаса. Подошедшая комендантская рота сибирских стрелков быстро навела порядок.

Однако следом начались волнения в рабочих слободках и гарнизонах на острове Русский, спровоцированные тяжелыми условиями труда и недостаточным продовольственным обеспе-

чением. Но там удалось быстро разрядить ситуацию, после полудня возобновив нормальную работу в три обычные смены на всех оборонных и гражданских объектах первой важности. Только вспыхнувший на следующий день, получается, уже вдогонку, бунт на Сучанских коях разгорелся в полную силу.

В немалой степени его успешному развитию способствовали все предыдущие действия региональной администрации. Изымавшиеся, по мере мобилизации, профессиональные кадры горняков на шахтах заменялись постоянно прибывавшими по этапам осужденными, преимущественно по политическим статьям, каторжанами.

Кроме того, на строительство узкоколейки к бухте Находка, а потом на канатно-рельсовую дорогу и снова на ту же узкоколейку, которую судорожно спешили дотянуть хотя бы до судоходной части Сучана, привлекали всех, кто согласен был завербоваться за одну только пайку. Попадал туда и откровенный сброд, желавший скрыться куда подальше, да еще и за казенный счет. Все это вместе привело к формированию весьма вспылчивой человеческой массы, легко управляемой изнутри.

Учитывая, что численность охраны каторжного барака оставалась неизменной, в то время как его население превысило три сотни человек, при постоянном увеличении поголовья вольнонаемных, преимущественно случайных и отнюдь не благонадежных людей, не было ничего удивительного в том, что однажды эту охрану просто разоружили, напав на нее извне во время работ в шахте.

Причем момент для этого подобрали весьма удачный. «Боевая сотня», сформированная для обороны Сучанского района, как раз выдвинулась к побережью для предотвращения высадки возможного японского десанта в связи с активизацией противника, атаковавшего нашу оборону практически во всем Приморье. Это привело к тому, что в течение светлого времени суток 25 сентября на территории поселка у шахт воцарилась полнейшая анархия. Продовольственные склады оказались разворованными, среди населения прошла волна грабежей и насилия, закончившаяся стрельбой и поножовщиной.

Спасаясь от этого, многие бежали в соседнее село Николаевка, откуда по телеграфу известили о беспорядках начальство во Владивостоке. К этому времени бунты вспыхнули уже и в деревнях Пирятино и Владимировка, где также размещались артели, строившие узкоколейку. Но там они сразу получили отпор со стороны местных, недолюбливавших пришлых «шабашников» за их норы.

До возвращения развернутой обратно в тыл «боевой сотни» местные крестьяне-единоличники, только начавшие зарабатывать твердую копейку на строительстве дороги и вывозке угля, сумели сдержать бунтовщиков, не позволив тем спалить почти законченные пристани во Владимировке и Голубовке, а также мастерские и прочие строения при узкоколейке, уже дотянувшейся до них от копей.

К следующему утру во всей долине реки Сучана был наведен законный порядок. Большая часть смутьянов ушла в тайгу, но главным было не это. Ополченческой дружине, сформированной инженером Владимиром Николаевичем Ференцем, возглавлявшим Сучанские копи после отъезда Павлова, удалось сохранить в целости обе шахты, электростанцию и даже динамитный склад, с самого начала захваченный восставшими. Поняв, что проигрывают, те охотно сменяли динамит на провизию, надеясь уйти в тайгу на лошадях. Однако конюшню разграбить не успели, поскольку всех лошадей увели в горы буквально у них из-под носа люди из отряда проходчика Якушева.

В знак протеста бунтовщики спалили полтора десятка домов, казармы и склады материалов, заготовленные для закладки фундаментов канатно-рельсовой дороги. Подожженный уголь удалось потушить, сохранив для флота не менее трех миллионов пудов уже добытого шахтами Сучана высококачественного топлива, нормальную вывозку которого баржами и шхунами из

залива Америка еще только начали налаживать с пуском первой очереди узкоколейного пути вдоль верховьев реки¹.

А в штабах, между тем, в течение всей ночи с 23 на 24 сентября паника только усиливалась. Уцелевшие линии связи не справлялись с потоком донесений, а поступающая информация в большинстве случаев оказывалась недостоверной. Уже почти в час ночи было принято решение организовать один общий штаб морской и сухопутной обороны на базе штаба наместника. Поскольку все штабы размещались фактически в двух соседних зданиях, объединение прошло быстро.

Это упростило обмен информацией, и к рассвету ситуация начала проясняться. Выяснилось, что ни о каком вторжении – ни в Амурском, ни в Славянском заливе, ни в Посъете – речи быть не может. Японцы просто предприняли набег на наши коммуникации, даже не пытаясь высаживаться на берег. Причем непосредственно в атаках были задействованы весьма скромные силы.

Как только развиднелось, русская морская разведка еще более активизировалась. В море отправили эсминцы, закончившие осмотр побережья, и несколько пароходов. Бронепалубные крейсера выдвигались к линии японского большого заграждения для оказания помощи всем, кому она потребуется. Все тральные силы вывели на фарватеры, чтобы обеспечить быстрый и безопасный выход по первому требованию остального флота.

Тем временем в Посъете Иессен, так и не получивший никаких распоряжений от своего командования, с первыми лучами солнца отправил в разведку оба имевшихся у него катера. Получив от них условный сигнал, что все спокойно, он вывел со стоянки и броненосцы, начав осмотр залива Китовый. Его еще частично закрывала дымка, так что впереди все время шли катера. Не обнаружив там признаков присутствия японских десантных судов, двинулись к островам Римского-Корсакова, надеясь через их сигнальные посты, имевшие проводную связь с крепостью, прояснить ситуацию.

Попутно от мыса Гамова отогнали японский быстроходный вооруженный пароход. При этом южнее видели дымы еще нескольких паровых судов, уходивших на юго-запад. Сколько их и что это за суда – определить оказалось невозможно. Слишком далеко. Дымы отходивших японских кораблей какое-то время также наблюдали с острова Фуругельма, куда уже добрались шлюпки с экипажем погибшего «Якута», разъяснившие причину ночного взрыва.

Капитан Бондарев, командир батареи, оборудованной на острове, не смог связаться со своим начальством в Посъете из-за перегруженности местного телеграфа. Свето-граммы доходили до нашего берега, видимого с острова, но дальше депеши уже не принимали. Тогда Бондарев распорядился передать гелиографом скопившуюся информацию на уходившие из залива броненосцы, заодно известив, что к острову подошла наша подлодка и ждет сведений о противнике. А чисто электроходная «Форель» ушла для дозарядки батарей на артиллерийский полигон.

Это сообщение приняли на «Ушакове» еще до того, как он обогнул мыс Гамова и повернул на северо-восток. Получив его, Иессен тут же связался с другими постами, запросив обстановку. С береговых возвышенностей обзор был несколько лучше, чем с корабельных марсов. К тому же, имея сразу несколько пеленгов на цель с разных точек, появлялась гипотетическая

¹ Полноценные разработки залежей Сучанского угля были начаты в 1901 году. Тогда во Владивостоке создали «Временное управление по оборудованию Сучанского каменноугольного предприятия». Возглавил его горный инженер А. М. Павлов. На место отправились 70 опытных работников-горняков из Екатеринославской губернии (Донбасса) с инженерами. В конце года заложили шахту № 1 на бездымном угле, осветив все уже имевшиеся к тому времени строения рудника. К февралю 1904 года глубина шахты была 65 м, а дневная добыча – 128 т. К этому времени руководил всем В. Н. Френц, заложивший шахту № 2 с наклонным стволом. Общая выдача обеих шахт за 1904 год составила 1 644 376 пудов, а в 1905-м уже 3 062 531 пуд (49 000 т). Железная дорога достроена не была, и уголь возили на повозках до судоходной части реки Сучана у села Владимиро-Александровского, а дальше на баржах или китайских шаландах. Летом 1905 года из-за опасности захвата рудников работы были остановлены.

возможность определения дистанции до подозрительных дымов на горизонте, что позволяло организовать совместную атаку броненосцами и подлодкой.

Но в пределах видимости с сигнальных постов на Фуругельме и горе Туманная на полуострове Гамова, с которых поддерживалась светосигнальная связь с отрядом Иессена, уже никого не было видно. Горизонт закрыла легкая мгла. Как старший морской офицер, Иессен приказал подводникам ждать появления новых целей либо других инструкций, держась в зоне видимости сигналов с острова у границы нашего минного поля.

Вскоре с «Ушакова» углядели над мглой аэростат. С ним обменялись позывными. Выяснилось, что это шар сигнальной станции Рикорда. Сразу же передали на него все последние новости и запросили инструкций от штаба. В ожидании их встретились со «Светланой», державшейся у острова Стенина еще с ночи, и также обменялись имевшимися сведениями.

Инструкций из штаба не было довольно долго. Ответная светограмма с шара была принята на «Ушакове» только спустя почти час. Броненосцам приказали возвращаться в залив Посьет, где проследовать на рейд Паллада. Там принять полные запасы с берега и судов снабжения и оставаться в постоянной готовности к выходу в море. Дальнейшие инструкции будут позже.

Во Владивостоке известий от Иессена ждали давно. После нападения миноносцев на тральную партию у острова Фуругельма достоверных новостей из Посьета почти не было, и о судьбе только что вышедших из ремонта броненосцев береговой обороны никто ничего не знал. По сути, его доклад стал едва ли не первым обобщенным донесением об уже закончившемся бое.

Вскоре стало окончательно ясно, что к утру 24 сентября противник отошел от заливов Посьет и Петра Великого. Однако сразу появились новые тревожные сведения. Высланные в разведку эсминцы доложили, что утром южнее бухты Стрелок видели броненосные крейсера «Якумо» и «Адзума», направлявшиеся на восток. Позже с мыса Поворотный телеграфом прислали депешу о двух больших четырехтрубных миноносцах, пытавшихся осмотреть залив Америка. Их отогнали огнем береговой батареи, но когда рассеялся утренний туман, с маяка обнаружили многочисленные дымы и верхушки мачт крупных судов дальше к югу. Они довольно быстро смещались на восток.

Радио в пределах залива Петра Великого уже можно было пользоваться, хотя помехи все еще сохранялись, так что державшиеся у острова Аскольда три эсминца Матусевича немедленно навели на эти дымы, отправив им вдогонку для прикрытия «Богатыря», патрулировавшего до этого вход в Уссурийский залив по внешней кромке наших оборонительных заграждений. Но когда эта разведка добралась до входа в залив Америка, ни с эсминцев, ни с маяка дымов уже не наблюдали. Ветер сменился, и все вокруг снова начинало закрывать уплотнявшейся с каждым часом дымкой.

Едва во Владивостоке получили доклад об этом, передали им через сигнальный пост распоряжение о прекращении погони. Станции эсминцев у мыса Поворотный еще принимали сигналы японского беспроволочного телеграфа, но это были довольно далекие кодированные переговоры, а не сплошной фон помех, как раньше. В это же самое время с кораблей отряда Андржиевского и броненосцев Иессена, действовавших у залива Посьет на пятьдесят с лишним миль западнее, их уже почти не слышали.

С шаров, поднятых над островом Рикорда и в бухте Сивучьей залива Посьет, сообщали, что в пределах 15 миль, которыми ограничивался горизонт по условиям видимости, противника также не наблюдают. Туман туда еще не добрался, так что в достоверности сведений, полученных от воздушной разведки, сомневаться не приходилось.

Связи ни с ушедшим вчера в ночь «Уралом», ни с отрядом Небогатова, вполне возможно, оказавшимся теперь в осаде в проливе Цугару, по-прежнему не было, а первые известия из залива Ольги удалось получить только спустя два часа после рассвета, когда обнаружили и

исправили повреждение на телеграфной линии. Радиотелеграфирование в северо-восточном направлении все еще было невозможно из-за помех.

В полученной по проводной связи долгожданной депеше сообщалось о ночном обстреле гавани и поселка с нескольких кораблей, вооруженных среднекалиберной скорострельной артиллерией. А утром, вскоре после рассвета, у бухты Преображения два японских вспомогательных крейсера перехватили наш пароход «Камчадал», возвращавшийся во Владивосток. Его атаковали с кормы, и он едва успел выброситься на берег. Японцы пытались взять в плен спасавшийся с него экипаж, но их шлюпки были обстреляны из-за камней подоспевшим казачьим разъездом и ушли назад, к своим кораблям.

Из Софийска пришло известие, что телеграфное сообщение с Де-Кастри и северным Сахалином восстановлено. Телеграф на самом Сахалине везде исправен. Имеются сведения о появлении двух или трех крупных судов в заливе Анива сегодня ночью. Возможно, они ставили мины, а потом ушли на восток. На рассвете их дымы видели с мыса Анива, но определить, кому они принадлежат, не смогли из-за большого расстояния. Позже эти пароходы видели рыбаки. Они явно пока не собирались покидать Охотское море.

Связь по радио между Корсаковым и гарнизонами на Курильских островах действует. Там все спокойно. Пришел на бункеровку крейсер «Кубань» с двумя призами. Северо-восточнее Токийского залива им были перехвачены две большие четырехмачтовые шхуны с первосортным углем, шедшие в Йокосуку под американским флагом. Так что необходимости в отправке угля на Курилы теперь нет. Трофейных шести с лишним тысяч тонн на первое время хватит.

С Кунашира сообщили также, что принимали обрывки переговоров по радио между кораблями Небогатова. Из них ясно, что ночью были атаки миноносцев. Попытки установить связь с Хакодате или Мурораном не удалось. Сильные естественные помехи. Из-за них даже с соседних островов с трудом слышат друг друга, хотя в северном направлении ситуация лучше.

Ближе к десяти часам утра, обобщив все имевшиеся сведения, в штабе заместителя сделали вывод, что японцы, нанеся одновременный удар на нескольких направлениях, все же не намерены задерживаться у наших берегов. Крупные корабли были замечены только у Владивостока, но и они уже ушли в восточном направлении. И сейчас противник большей частью своего флота двинулся к проливу Цугару или как минимум прикрывает действия легких сил против нашего судоходства, находясь восточнее Владивостока.

Исходя из того, что с Небогатовым все еще не удастся наладить связь, как из Владивостока, так и с Курильских островов пришли к выводу, что наши силы в проливе Цугару сейчас блокированы японцами и находятся под ударом. Судя по всему, именно они и стали главным объектом нападения. Это было ожидаемо. Удивительно, что ждать пришлось так долго. На такую солидную фору никто не рассчитывал.

Возможности оказать немедленную помощь у флота не имелось. Даже если выдвинуть все, что есть в том направлении, прямо сейчас, на пятисотмильный переход через все Японское море до пролива потребуется не менее полутора суток. При этом неминуемо придется провести ночь на открытой воде, с реальной угрозой атаки многочисленных миноносцев. А к моменту достижения цели плавания, скорее всего, эти маневры уже потеряют всякий смысл.

К тому же именно этого от нас и ждут японцы, так что наверняка подготовились. В таком случае, действуя шаблонно, помочь не сможем, а неприятности получим. Оставалось надеяться, что Небогатов все же успел организовать достаточно прочную оборону. Согласно последним докладом оттуда, основные мероприятия по усилению береговых укреплений залива Хакодате уже должны быть закончены, исходя из чего, считалось, что его главные позиции, подкрепленные калибрами броненосцев, вполне смогут выдержать атаку. А для планомерного полномасштабного штурма японцам уже не хватит времени. Надолго оставлять свои десанты без защиты с моря они не решатся.

Гарнизонам на Кунашире, Итурупе и Шикотане, с которыми теперь удавалось поддерживать постоянную связь, приказали держать оборону в полной готовности. А вот предупредить наши поселения на камчатских берегах и в Охотском море никто и никак не мог. Ни телеграфа, ни радио там до сих пор не было.

Чтобы перехватить направлявшиеся туда японские корабли, пришлось срочно отправить «Кубань» к западному побережью Камчатки, куда предположительно ушли два вооруженных парохода из залива Анива. Судя по их курсу, ведущему на восток, они намерены атаковать наши суда у восточных Курил и Камчатки, занятые сейчас ловлей браконьеров и снабжением укрепленных постов.

Для усиления туда же хотели направить и «Риона», но его так и не удалось вызвать из района крейсерства. Предположительно он находился где-то недалеко от Токийского залива. Радио не доставало, а срок бункеровки должен был подойти не раньше чем через неделю. Поэтому для более эффективного поиска противника в Охотском море решили привлечь разгрузившиеся вооруженные пароходы из состава курильского конвоя. Они вместе с «Кубанью» составили бы отряд численностью в пять единиц, явно превосходя противника. Все равно все передвижения транспортов временно запрещены, и использовать их по прямому назначению возможности пока нет.

Судя по постоянно поступавшим новым данным, ситуация оставалась тревожной, но отнюдь не критической. Имелись достоверные подтвержденные сведения о присутствии противника в Броутоновом заливе, Охотском море и в районе пролива Цугару. Подозрительный пароход, направлявшийся на север, два часа назад видели у Де-Кастри. Но ни у сахалинских берегов, ни у южных Курильских островов японцев сейчас не было. В самом центре, на участке от залива Посьет до мыса Поворотный, и даже еще дальше к востоку, также за последние часы не отмечалось появления вражеских кораблей.

Таким образом, получалось, что, несмотря на одновременную атаку сразу нескольких важных пунктов на русском дальневосточном побережье, а также на временно оккупированных нами японских территориях, особой опасности это нападение нигде кроме Цугару и Охотского моря не несет. На всех остальных участках в данный момент явной угрозы для наших поселений не наблюдается, так же как и для судов, ввиду полного прекращения морских перевозок. Зато у японцев, после того как значительные силы их флота покинули уже освоенные стоянки в заливе Броутона, сейчас наверняка ослаблено прикрытие с моря обоих плацдармов. Этим следовало воспользоваться.

Рожественский приказал немедленно готовиться к выходу в море, намереваясь для начала провести полномасштабную разведку боем у северо-восточного побережья Кореи всеми наличными боеспособными силами. Времени на хоть какое-то планирование предстоящей вылазки не было совершенно, однако упускать такой шанс не хотелось. Учитывая близость предполагаемых целей, надеялись обойтись импровизацией по ходу дела. Главное было успеть.

Некоторые подозрения вызывал факт явного «засвечивания» главных сил японского флота, уходящих к востоку от мыса Поворотный. Было очень похоже на ловушку. Но эта ловушка, если она и была, рассчитывалась японскими адмиралами на крейсера и миноносцы, но никак не на броненосцы, благодаря предпринятым в последние дни мерам, по всем документам и даже внешнему виду все еще находившиеся в ремонте и на перевооружении.

Корму в очередной раз замершего у стенки завода «Александра» сразу после пробных стрельб новых шестидюймовок облепили баржи и густо оплели леса. Там якобы ремонтировали обшивку, устраняя брак и недоделки. Его собрат «Бородино» вообще выгружал боеприпасы на берег, чтобы встать в док для ремонта систем вентиляции погребов и замены винтов и бакаутовых подшипников. А у борта «Орла» собирали кессон, с помощью которого, по официальным документам, планировалось ремонтировать забортную арматуру левого холодильника.

В городе прошел слух, что после испытаний артиллерии «Александра» инженера с «Камчатки» и двух гальванеров с Механического завода арестовали за саботаж. А старшего артиллерийского офицера с «Бородино» списали на берег вовсе не по болезни, а отстранив его от службы за пьянство и ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, повлекшее за собой выход из строя оборудования и едва не приведшее к самовозгоранию пороха в перегреваемых крьюйт-камерах. В слободках уже вторую неделю спешно набирают дополнительные бригады для сверхурочных работ на всех трех новых броненосцах, даже не особо глядя на квалификацию и специальности. Поскольку все вменяемое мужское население города уже и так работает посменно, за харчи нанимают даже бродяг и подростков. Вездесущая японская агентура об этом наверняка знала.

Новые бригады сразу переводили на строгое казарменное положение с полным довольствием и привлекали для очистки обрастающих подводных частей скребками либо окраски залатанных бортов. А в случае возникновения необходимости еще и для снятия этой бутафории, на что требовалось всего час-полтора времени. Но сообщить об этом кому-либо заинтересованному оказалось невозможно. Трех рабочих из бродяг, пытавшихся злостно нарушить режим путем побега из отведенного им барака, перехватила охрана.

Медики строго блюли тайну истории болезни офицеров, благодаря чему о том, что старший артиллерист «Бородино» лейтенант Завалишин получил травму спины и теперь нуждался в санаторно-курортном лечении, был осведомлен очень узкий круг посвященных. А сам броненосец ни в каком доковании не нуждался и просто избавлялся от излишка «пороховых» снарядов. Их место в погребах уже заняли новые, с тротиловой начинкой. В ходе последнего учебного выхода в залив Америка их приняли с транспорта на все новые броненосцы. Теперь они имели полный боекомплект и к бою были готовы. Так что, забрасывая сети на карася, японцы могли поймать акулу.

Несмотря на значительный риск намечавшегося мероприятия, при четкой разведке и хорошем взаимодействии флота с берегом шансы на успех казались достаточно большими. Если удастся добраться до еще не разгрузившихся конвоев со снабжением, это позволит покончить с ними одним быстрым и мощным ударом, после чего оставалось время успеть вернуться в крепость до исхода завтрашнего дня. Если же стоянки уже пусты, целями корабельных пушек станут временные пристани и береговые склады. Даже просто проредить японские легкие силы будет полезно.

В случае возникновения непредвиденных обстоятельств, если путь назад окажется отрезан, имелась возможность укрыться в Гензане, где привести корабли в порядок и, издержав противника постоянными мелкими уколами и наскоками со стороны главной базы и с места новой стоянки, прорваться назад во Владивосток. А в случае невозможности – в Хакодате или на Цусиму, снова с большой вероятностью избежав серьезного боя и крайне не желательных тяжелых повреждений. Плотнo перекрыть все направления японцам просто не хватит сил.

Конечно, Гензан по условиям базирования гораздо хуже Владивостока. Но в любом случае у нас будет значительно более выигрышная позиция, чем у японцев, не имеющих даже закрытых бухт для безопасной стоянки, отдыха экипажей и пополнения запасов, постоянно атакуемых со всех направлений и вынужденных беспокоиться еще и о своих растянувшихся путях подвоза всего необходимого.

Но по мере проработки деталей возникла новая идея. Поскольку дорога на юг, по крайней мере, на первый взгляд, сейчас была открыта, а пароходы для Цусимы уже стояли загруженные, находясь в часовой готовности к выходу в море, появилась реальная возможность успеть скрытно проскочить вместе с ними за спиной у противника.

При этом от нападения на уже разведанные стоянки японских транспортов у корейских берегов можно было не отказываться, используя это как отвлекающий маневр с изначальным

прицелом на временное квартирование в Гензане. Правда, в этом случае придется разделить имеющиеся силы, что лишит нас даже «бумажного» превосходства.

Но, учитывая, что свои стоянки японцам тоже нужно будет защищать, а значит, делить эскадры, риск признавался оправданным. Работа в объединенном штабе закипела с новой силой. Случайно сложившаяся на тот момент конфигурация размещения отрядов во многом предопределила боевые задачи, ставившиеся им.

В Броутонов залив теперь предполагалось отправить отряд эсминцев капитана второго ранга Андржиевского, осматривавших еще с рассвета западный проход в большом японском заграждении, а сейчас занятых разведкой южнее островов Римского-Корсакого. Их должны были прикрыть два броненосца береговой обороны контр-адмирала Иессена, только вчера отправленные на испытания «новой» артиллерии главного калибра «Ушакова» и отремонтированных приводов башен «Апраксина» в заливе Посьет.

Еще сегодня утром их планировалось использовать для его дальнейшей обороны от возможных японских десантов, но теперь, для избежания путаницы с опознаванием, артиллерийские надводные корабли оттуда решили вообще убрать, ограничившись имеющимися подводными лодками и минными катерами. Теперь надводные и подводные миноносники получали полную свободу действий и могли топить все, что попадется им на глаза, без рискованной, в первую очередь именно для них, предварительной «сортировки» на своих и чужих.

По едва начавшему прорисовываться спешно перерабатываемому плану «ушаковцам», вместе с тремя эсминцами предстояло завтра еще до захода солнца осуществить рискованный прорыв в осажденный Гензан, атаковав попутно японские дозорные суда и стоянки армейских пароходов.

В штабе надеялись, что этот набег на крайне уязвимые плавучие тылы высаженных войск вынудит противника ослабить свои силы, отправленные против отряда Небогатова, а возможно, и предусмотрительно развернутые на пути цусимского конвоя. Если же пароходов на стоянках не окажется, следовало обстрелять прибрежные японские сооружения и позиции войск по заявкам от нашего сухопутного командования в районе Порта Шестакова и Гензана, а по возможности, и более дальние укрепления.

Не то что проработать должным образом, а даже толком сформулировать боевой приказ для Иессена уже не успевали. Ему лишь рекомендовалось не ввязываться в бой с крупными кораблями, имея первоочередную задачу «обоими отрядами достичь Гензана». После этого, базируясь на этот порт, Андржиевский должен был развернуть активные ночные действия в Броутоновом заливе, практически невозможные в настоящий момент из-за плотных дозоров и значительного удаления от наших передовых баз, а вооруженные тяжелой артиллерией броненосцы сосредоточиться на оказании поддержки нашим береговым батареями и войскам, оборонявшим порт и залив. Параллельно с этим Иессену вменялось в обязанность активно прикрывать действия легких сил.

Уже в последний момент на броненосцах береговой обороны решили отправить в Гензан только что прибывшую в Посьет вторую роту 3-го Восточно-Сибирского полевого воздухоплавательного батальона со всем ее еще не распакованным имуществом. Приказ об этом отправили по радио, что впоследствии вызвало некоторые затруднения в его исполнении.

Этот маленький хрупкий довесок должен был хотя бы частично компенсировать скромность выделяемых сил. С развертыванием роты в порту задачи, стоящие перед Андржиевским и Иессеном, заметно упрощались. В полезности воздушных шаров ни в армии, ни на флоте никто уже не сомневался. Лишь бы погода не подвела.

В свете резкого изменения главного направления действий запланированный ранее рейс «Терека» в Броутонов залив отменялся. У флота просто не оставалось сил, чтобы обеспечить его прорыв параллельно с проведением остальных запланированных акций. В то же время в предстоящем походе на юг был срочно нужен быстроходный аэростатоносец, в который и

решили превратить единственный остававшийся под рукой пароход-крейсер. Все оборудование для обслуживания воздушного парка, как посчитали во Владивостоке, вполне свободно могло разместиться в районе кормового орудия на просторном юте. Если броненосный крейсер ходил в море с шаром, то уж вспомогательный точно с этим должен управиться. Причем приспособить все на свои места, по мысли штабных стратегов, экипажу предстояло прямо в походе.

Тянуть с этим не стали, приказ «готовиться к выходу» отправили с нарочным сразу же. А к моменту, когда окончательно убедились в безопасности плавания Амурским заливом и дали «добро» на переход, на борт «Терека» уже прибыли две смены обученных морских аэронаблюдателей с кое-каким своим специфическим имуществом, и лайнер-крейсер сразу отправился в южную часть залива Посьет. Там ему предстояло принять на борт вторую роту 1-го Восточно-Сибирского полевого воздухоплавательного батальона, уже неделю как развернутую в бухте Сивучья.

Соответствующую телеграмму в Посьет телеграфисты штаба флота отбили еще до выхода «Терека», так что время для того, чтобы «упаковать багаж», у воздухоплателей теоретически было. На такую мелочь, как отличие этого отведенного времени от нормативного в несколько раз, причем в меньшую сторону, в общей суматохе никто внимания, естественно, не обратил.

По планам все получалось просто великолепно. В этой роте, полностью развернутой еще в первых числах сентября и исправно несшей дозорную службу, имелись не один, а два сферических аэростата и запас химических веществ на три наполнения обеих их оболочек. То есть, в отличие от поступавшей в распоряжение Йессена, аэростатоносец получал еще и второй шар, который должен был стать резервным. Вместе с дополнительной сменой наблюдателей, взятой из крепости, это – снова чисто теоретически – должно было гарантировать возможность круглосуточного наблюдения с воздуха на протяжении всего перехода.

Однако за те немногие часы, что потребовались пароходу-скороходу на достижение пункта погрузки, личный состав роты едва успел переправить на приведенные с артиллерийского полигона баржи только один из шаров с необходимым самым минимумом сопутствующего оснащения и химикатами всего на две заправки. И это при активной помощи местной пехоты и моряков, тотально мобилизованных на внезапный аврал.

Прикинув время, новый командир «Терека» капитан второго ранга Артшвагер решил не ждать готовности к переезду второго шара, на что требовалось еще не менее трех-четырех часов. По его приказу все уже упакованное в жуткой спешке подняли на борт и сразу дали ход. Но и после этого буквально забегавшаяся сухопутная обслуга аэростата, вопреки планам, оказавшегося единственным на борту, не получила передышки.

Морские аэронаблюдатели, вполне освоившиеся на новом месте за время броски от Владивостока, уже успели развить бурную деятельность по приспособлению чисто артиллерийского вспомогательного крейсера под новую ипостась. Что, с его развитыми надстройками и пространным рангоутом, было совсем не просто.

В первую очередь, при осмотре отведенной им импровизированной площадки и обсуждении вариантов использования аэрооборудования они обратили внимание на то, что на продуваемой ветрами открытой палубе даже в не самую плохую погоду долго держать снаряженный шар возможности не будет. К тому же дым, сажа и копоть из труб, а порой и искры, совершенно не сочетались с легковоспламеняющимся содержимым его тонкой оболочки. Да и времени на его заполнение и подъем без каких-либо ограждений потребуется гораздо больше, чем на полноценных аэростатоносцах.

Конечно, пускаться в столь опасное плавание вовсе без воздушной разведки было все же хуже, чем хотя бы просто иметь возможность привязать к чему-то пузырь, заполненный водородом и парящий в воздухе, с наблюдателями, болтающимися под ним в корзине. Но кое-

какие доработки все же стоило попробовать сделать. В первую очередь, для защиты от искр и копоты из труб между бизань-мачтой и ее вантами растянули парусиновый обвес.

Во время короткой стоянки у бухты Сивучьей, пока принимали с барж оборудование, работы продолжили. Временно переделали рангоут мачты, превратив треугольный обвес в прямоугольный, да еще и подъемный, наподобие паруса. Затем все это сооружение продлили еще дальше, в корму. Для чего вдоль бортов натянули дополнительные фордуны. Гафель подтянули к самой мачте, а весь рангоут в корму от нее вообще начали снимать.

Получившаяся в итоге выгородка хотя бы частично закрывала от ветра, искр и набегавшего воздуха зону работы с наполняемой оболочкой, место установки подъемных лебедок, корзину и подвесную систему Правда, для успешного старта шара с палубы носитель должен был двигаться обязательно навстречу ветру И при этом едва оторвавшийся от палубы аэростат придется стравливать на канатах к корме, чтобы не зацепиться оболочкой за рангоут мачты, имевшей сильный наклон.

Тут уже могло помешать кормовое орудие. Поскольку демонтировать его времени не оставалось, да и старший артиллерист был категорически против, решили просто закрыть его матами и парусиной, чтобы не повредить ни пушку, ни шар. Это полностью исключало возможность быстрого использования по прямому назначению. Но в данном случае неизбежно приходилось чем-то жертвовать.

Итогом суматошной предподходовой подготовки, буквально вынувшей душу из всех, кто оказался к этому причастен, стало то, что к моменту присоединения «Терека» к эскадре специалисты из крепостной воздухопорты считали, что после всех улучшений поднять аэростат с палубы даже на ходу было вполне реально, хотя и довольно рискованно. А от использованного для этих целей тента остались довольно большие обрезки, которые тоже планировалось использовать в этих же целях, но позже.

С изъятием сразу двух армейских воздухопортов из системы обороны залива Посыет на всем Дальневосточном побережье оставалась только крепостная воздухопорта в районе залива Петра Великого. В Посыете имелся резервный аэростат, но без наблюдателей и obsługi. Его приказали вывезти в Раздольное, от греха подальше.

В штабе во Владивостоке тем временем, несмотря на то, что пик напряжения и нервозности, вызванный японской атакой, миновал, развилась жуткая суматоха. С ходу писали боевые приказы, отдавали распоряжения, проводили переформирование штабов. Одновременно походный штаб наместника в своем первоначальном составе начинал спешно перебираться на борт «Александра III», выбранного на роль флагмана.

Никто еще не имел ясного представления, что и как конкретно предстоит делать после того, как конвой покинет залив Петра Великого. На разработку хотя бы основных пунктов плана на переход и возможный бой имелось время только, пока караван и его эскорт будет пробираться за тральщиками до чистой воды.

Но самое первое, что необходимо было сделать уже сейчас, – обеспечить полную скрытность выхода за линию большого японского заграждения. Для успеха всего задуманного это требовалось в первую очередь. Помимо штатных «шалостей» с телеграфом и бдением в эфире, руководствуясь именно этими соображениями, конечный отрезок маршрута с самого начала проложили далеко в стороне от обычно используемых фарватеров.

Через сигнальные посты эсминцам и крейсерам, находившимся у восточного и западного проходов, приказали провести разведку всего наружного периметра минного поля и прилегающих вод. Сохранялась вероятность, что где-то поблизости мог затаиться специально оставленный соглядатай. Упускать его было никак нельзя.

Погода оставалась довольно мглистой и явно портилась, что для конца сентября было нормальным явлением. Но условия видимости пока еще позволяли безопасно вывести из лаби-

ринта островков в глубине залива броненосцы и транспорты, осторожно пробиравшиеся за тральщиками. Однако требовалось поспешить.

Тем не менее, несмотря на все усилия, только в начале второго часа дня из пролива Босфор Восточный в Уссурийский залив начали медленно вытягиваться главные силы флота, а следом за ними и пароходы конвоя. Все транспорты имели не полную загрузку, что обеспечило им дополнительный узел скорости. В предстоящем рискованном предприятии это считалось более нужным, чем дополнительные тонны груза.

Но едва начав движение, зафиксировали работу одной из наших станций длинной искрой, где-то поблизости. Судя по всему, перебивалось чужое телеграфирование. Учитывая строжайший запрет на использование телеграфа без проводов, это было тревожным знаком. Однако отменять пока ничего не стали, ограничившись семафорным запросом о ситуации на ближайший береговой пост. Время для прояснения еще было.

Конвой с тральным караваном и эскортом в полной тишине продолжал двигаться в клочьях тумана на восток. Треск в эфире довольно скоро прекратился. Когда обходили остров Скрыплева, в ответ на очередной запрос с него сообщили, что с островов Римского-Корсакова и Рикорда хорошо слышали перестрелку где-то на юго-востоке, быстро закончившуюся. Никаких предупреждений или условных сигналов о контакте с противником до сих пор не было. Радио теперь снова молчало. Но отсутствие признаков работы японских станций еще не давало гарантий, что поблизости больше нет их разведчиков.

Подгоняемые охватившим всех ажиотажем, задерживаться у острова до выяснения обстоятельств перестрелки не стали. Продолжавшим густеть туманом могло закрыть все вокруг, так что время было дорого. Следуя за шаландами с тралами пока в границах уже проверенного с утра основного восточного фарватера, благополучно добрались до мыса Вятлина, где встретились с тремя эсминцами отряда Матусевича.

Далее предстояло сойти с привычной накатанной дорожки. На тральщики, усердно пыхтевшие в голове строя, миноносцем доставили пакет с приказом и новым предписанным курсом. После чего весь караван двинулся не к проливу Аскольд, как ходили обычно, а строго на юг, по только что размеченному специально для него новому маршруту. Южнее его уже заканчивали проверять сразу четыре тральных каравана, для экономии времени очищавших каждый свой отрезок.

Мин, кроме линии уже известного большого внешнего японского заграждения между Аскольдом и островами Римского-Корсакова, так и не встретили, и к четырем часам дня конвой благополучно вышел на безопасные глубины. Теперь дальше к югу до самой Цусимы их можно было не опасаться. Пришло время принять окончательное решение. Идти на прорыв немедленно, прямо сейчас, либо возвращать пароходы обратно в порт и ограничиться погромом в Броутоновом заливе. А новых известий о причине перестрелки и ее участниках все не было.

Отправили запрос по радио. Долго ждать ответа не пришлось. Из штаба сразу сообщили, что по сводке на четыре часа пополудни ни новых случаев стрельбы, ни сигналов тревоги больше не отмечалось и противника нигде не наблюдают. Хотя ясности это почти не добавило, Рождественский приказал продолжать движение.

Несмотря на то что отзыва ни от эсминцев Андржиевского, ни от дозорных бронепалубников не получили, высказывались предположения, что наша авангардная разведка находится где-то совсем рядом и просто не хочет выдавать свое присутствие телеграфированием. Явной угрозы нет, и пустая трескотня в эфире не уместна.

К этому времени окончательно определились, по крайней мере, с маршрутом. Спокойная последняя сводка позволяла надеяться, что скрытное выдвижение на исходные рубежи для броска к Цусиме все же удалось. Запросили мехов о состоянии машин и наличии необходимых

запасов и, получив вполне ожидаемый ответ, что все в норме, начали набирать рекомендованный штурманами ход, ложась на выданный ими же курс.

Постепенно ускоряясь, быстро обогнали тральный караван, с которого семафорили «Счастливого плавания!». Как только расстались с шаландами, сразу развернувшись на обратный курс, не мешкая начали формирование походного ордера. Туман все густел, но соседние суда в колоннах пока еще удавалось разглядеть. Такая видимость никого особо не пугала. Флот и транспорты теперь шли навстречу ветру, так что скоро можно было ожидать заметного расширения горизонта.

В голове строя встал «Дмитрий Донской», начавший раскручивать свой единственный винт до полных оборотов. Удаляясь, он довольно долго оставался на границе видимости, словно растягивая просматриваемый сектор. Его максимальные 15 узлов были всего на два узла больше хода каравана отряда, и до темноты он успел отойти только на восемь миль, в конце концов, все же скрывшись из вида. Ему предстояло обеспечивать разведку впереди по курсу до подхода бронепалубных крейсеров.

Следом за ним дымили в строе клина «Александр III», «Бородино» и «Орел», прикрывая перестроившиеся в две короткие колонны быстроходные пароходы «Корея», «Анадырь», «Летингтон» и «Арабия», загруженные провизией, боеприпасами и прочими грузами для Цусимы. Исходя из того, что наиболее вероятным направлением появления врага были восточные румбы, на 8 миль левее крупных кораблей выдвинули на позицию завесу из эсминцев Матусевича.

Спустя два с небольшим часа после форсирования линии последнего заграждения к флоту присоединился «Терек», сопровождаемый «Богатырем» и «Светланой». Ему сразу назначили место позади транспортов. В ответ на запрос с «Александра III» передали, что воздвухорота на борту, но не в полном составе. Успели принять только один шар, и он готов к снаряжению. Но поднять смогут не раньше, чем через два часа.

Поскольку дело уже шло к ночи и видимость оставалась довольно скверной, аэроразведку затевать не стали. К тому же из-за приличного встречного ветра «Тереку» пришлось бы для этого снизить ход или даже вовсе покинуть ордер и лечь в дрейф. А сейчас все еще считалось очень важным отойти как можно дальше от своих берегов. В открытом море шансов быть обнаруженными наверняка меньше.

Со «Светланы», подошедшей к борту флагманского броненосца, сообщили, что четыре часа назад юго-восточнее островов Римского-Корсакова перехватили и потопили японский вспомогательный крейсер. Поскольку сигнальщики, вышколенные каперангом Шеиным, первыми углядели противника, да вдобавок «Светлана» удачно выскочила на него из тумана со стороны моря, все попытки передач успели забить искрой заблаговременно. Получив несколько полных бортовых залпов с короткой дистанции, японец даже не успел ответить, потерял ход и загорелся. А потом был добит торпедами с подошедших эсминцев Андржиевского.

Шейн к этому времени уже покинул район боя и продолжал движение на встречу с главными силами, а эсминцы занялись спасательными работами, закончив которые, должны были возвратиться в Посьет. Там их уже поджидал Иессен. Никого больше ни крейсерам, ни эсминцам обнаружить пока не удалось. Судя по молчащему радио, японцам тоже.

Поскольку, таким образом, неясность с телеграфированием благополучно для нас разъяснилась, особых поводов для беспокойства больше не оставалось, и конвой спокойно продолжил движение. К ночи, так никого и не встретив, миновали параллель Чхончжина, считая себя уже за пределами японских блокирующих дозоров.

Когда стемнело, отозвали к эскадре «Донского» с эсминцами и вывели вперед бронепалубные крейсера, продолжая движение прежним курсом. Ход держали в 13 узлов, правя на острова Оки, откуда затем планировалось продвигаться вдоль японского берега, выходя в

итоге к северной оконечности Цусимы с востока, повторяя маршрут «Терека» при его недавнем успешном прорыве.

Считалось маловероятным наткнуться в этих водах на японские патрульные суда, большая часть которых теперь, скорее всего, была стянута в Броутонов залив.

Ночь прошла спокойно, но к утру южный ветер начал набирать силу. С рассветом крейсера и миноносцы провели разведку вокруг конвоя и, не обнаружив никого, снова заняли свое место в ордере. Уже к полудню всем трем миноносцам приказали оставить под парами только один котел для обслуживания радио и экстренного маневрирования и подать буксиры на транспорты. Поскольку эта часть перехода считалась самой безопасной, топливо на них требовалось экономить. Путь впереди был еще не близкий, а состояние моря не позволяло передать уголь с кораблей эскадры.

Поднять шар в такую погоду оказалось невозможно, поэтому для разведки на десять миль вперед отправили «Богатыря». Между ним и конвоем выдвинули «Терек» в качестве репетичного корабля. Вести передачу беспроводным телеграфом разрешалось только в крайних случаях, но на прием все станции работали постоянно. Места на флангах заняли «Светлана» и «Донской», отойдя на дальность уверенного чтения сигналов.

Во второй половине дня слышали частые, но не ясные и слабые сигналы далекого телеграфирования станциями типа «Маркони», как у японцев. Депеши шли шифром и доходили не полностью. Из получаемых клочков текста их смысла разобрать не удавалось. Поскольку сила сигналов не увеличивалась, тревогу объявлять не стали. До самого заката не встретили ни одного судна. Ветер продолжал набирать силу, разводя встречную волну. А к ночи небо озарилось зарницами.

Едва стемнело, шедшая на левом фланге «Светлана» обнаружила небольшое парусное судно, явно пытавшееся скрыться. На него фонарем передали приказ остановиться, но оно никак не реагировало. А когда крейсер начал приближаться, почти все паруса сразу скользнули вниз. Как только стало ясно, что это не помогло, а затеряться в темноте не удалось, с него послышались выстрелы.

В ответ открыли огонь наши трехдюймовки, поскольку решили, что наткнулись на японский миноносец, маскировавшийся под рыбака. Однако в темноте долго не могли добиться попаданий в скакавшую на волнах цель. А когда «Светлана» положила лево руля, чтобы уйти с вероятного пути торпед, траектория движения крейсера пересеклась с петлей маневра уклонения, предпринятого японцами. Подыграла и встречная волна.

Прежде чем что-то успели предпринять, крейсер нагнал и протаранил злополучную посудину, из-за которой пришлось надеть столько шума. Перед этим ее успели разглядеть, опознав как обычную двухмачтовую шхуну под штормовыми парусами. В последний момент она покатила в сторону, едва не уйдя от удара, получившегося в результате скользким. Но хлипкому деревянному корпусу с лихвой хватило и этого. Судно быстро легло на борт и пошло ко дну.

Из воды успели выловить только троих, оказавшихся мобилизованными рыбаками. На крейсере по-японски никто не говорил, зато имелся экземпляр военно-морского разговорника под редакцией флагманского переводчика Позднеева, только что выпущенного во Владивостоке небольшим тиражом и выданного всем командирам кораблей. Благодаря ему и карте, на которой японцы показывали, о чем идет речь, узнали, что только что потопили патрульную шхуну «Кавасаки-мару» № 4, несшую дозорную службу к востоку от скалы Лианкур. Из-за ухудшения погоды она направлялась к своей стоянке у острова Дажелет, чтобы переждать шторм, но наткнулась на эскадру. На судне имелся радиопередатчик с пародинамо, но отправить сообщение не смогли. Из-за грозы весь эфир оказался забит атмосферными помехами. Есть ли поблизости другие дозорные суда, пленные не знали. Они лопотали что-то еще, но все остальное было уже совершенно непонятно.

Считая, что эта встреча была более-менее случайной, учитывая погоду, предположили, что дозорную линию удалось удачно преодолеть. Исходя из этого, Рожественский приказал курса и скорости не менять. Надеялись достаточно быстро успеть выйти из опасного района. Но по мере удаления грозового фронта на север условия радиосвязи постепенно улучшались. Это добавило поводов для тревоги. Сквозь фон помех стали пробиваться сигналы, явно искусственного происхождения. Спустя меньше чем час по принятым коротким фрагментам текста удалось определить, что передача ведется с японской станции, военно-морским кодом и откуда-то поблизости.

Разобрать ее полностью не удалось. Но и после расшифровки ясности не добавилось. Все время повторялась одна и та же кодовая фраза. Что она означает, никто сказать не мог. Вполне могло оказаться, что стрельбу слышали с другого разведчика, и он сейчас следит за нами, прячась среди волн.

На всякий случай установленный на «Александра» передатчик «Маркони» с «Суворова»² начал забивать японское телеграфирование своим, как только оно возобновлялось, используя станцию менее чем на половину мощности и японскую азбуку. Была надежда, что такая мелкая пакость будет принята за случайные дружественные помехи. Хотелось верить, что нас все же пока еще не видят.

Надежды рухнули в половине двенадцатого ночи. Совершенно неожиданно, справа по борту, буквально из-под носа «Донского», в небо взлетело сразу несколько разноцветных ракет. По судну, давшему этот сигнал, немедленно открыли огонь, но быстро потеряли из вида. Почти сразу этот ракетный залп был продублирован кем-то еще, милях в пяти западнее, и заработал еще один передатчик, совсем близко. Его сигналы сразу забили уже без церемоний мощным «Телефункеном», едва услышав, но два первых слова депеши, передаваемой открытым текстом: «Большие корабли...», все же успели уйти в эфир.

При планировании мероприятий по перехвату еще только приближавшейся к японским берегам эскадры Рожественского в Токио приняли решение развернуть несколько дозорных линий от островов Гото и Квельпарта до островов Оки. После того как «Терек», возвращаясь с Цусимы, обстрелял небольшие каботажные и рыболовные суда у островов Оки, были развернуты дополнительные патрули на этом направлении из конфискованных рыбацких и немногих, уже оснащенных радио, патрульных шхун восточнее Лианкура. «Кавасаки-мару» № 4, была одной из них.

Стрельбу «Светланы» слышали с соседней, такой же шхуны и сразу начали телеграфировать, но из-за грозы это сообщение было получено на дежурившем у Дажелета вспомогательном крейсере «Кариу-мару», обеспечивавшем связь, только через три часа. Уже после того, как русских обнаружили на следующей дозорной линии у самых островов Оки, состоявшей только из конфискованных вместе с экипажами рыбацких шхун. Эти посудины вообще не имели никаких средств связи, а их экипажи всего лишь доукомплектовали наспех обученными сигнальщиками (недоучившимися гардемаринами из последней волны мобилизации на флот) с комплектами сигнальных флагов и ракет. Одна из них и оказалась на пути конвоя. Дав знать о появлении противника, на суденышке тут же убрали паруса, благодаря чему удалось ускользнуть от дозорного крейсера.

Действия второй завесы из парусных судов на западном фланге района патрулирования обеспечивал дозорный пароход «Дзуйхо-мару», имевший радиопередатчик с гражданским персоналом, совершенно не обученным кодированным переговорам. С него разглядели серию

² В реальной истории во время перехода на Дальний Восток на броненосец «Суворов» установили станцию «Маркони» с парохода «Китай».

ретранслированных ракетных сигналов о приближающихся больших кораблях и сразу отправили соответствующую депешу.

Поскольку стало ясно, что конвой обнаружен, следовать далее намеченным маршрутом уже не было смысла. Лишний крюк к японскому берегу только облегчал противнику перехват. Получив по радио приказ Рождественского, суда немедленно стали разворачиваться на юго-запад. Это привело к временному нарушению строя, так как головная и фланговые завесы потеряли свои позиции. Только через более чем полчаса после полуночи все корабли окончательно заняли предписанные места в ордере и держали теперь курс прямо на северную оконечность Цусимы. До нее, по прикидкам штурманов, оставалось менее двухсот миль. То есть около полусуток хорошего хода.

Сыграли «боевую тревогу». На Цусиму отправили короткую телеграмму с приказом подготовить прибрежный северный фарватер к встрече конвоя не позже полудня завтрашнего дня и обеспечить максимально возможное прикрытие транспортам. Приняв квитанцию с «Олега» о получении, прекратили радиообмен, надеясь с переменной курса сбросить с хвоста возможную погоню. Японцам телеграфировать тоже больше не мешали. Расчеты орудий заняли свои места по боевому расписанию, а эсминцы начали разводить пары в незадействованных котлах, готовясь встать в охранение.

О спокойствии пришлось забыть. Все самые худшие опасения пока продолжали подтверждаться. Неподалеку от эскадры периодически выходили на связь не менее двух японских судов, обменивавшихся телеграммами. Отмечалась также работа нескольких станций, ретранслировавших их сообщения далее на юг. Передачи были короткими, поэтому пеленг взять не удавалось, хотя «Терек» специально для этого вышел из ордера и маневрировал отдельно.

Но контактов больше не было. Еще пару раз видели сигнальные ракеты, но далеко и явно не имевшие к нам никакого отношения. А к рассвету сигнал ближайших к эскадре передатчиков стал заметно слабее. Было похоже, что мы от них удалялись. Судя по всему, в темноте все же удалось оторваться.

Но радость оказалась недолгой. В половине восьмого утра «Богатырь», еще даже не успевший занять назначенного ему места в десяти милях впереди эскадры, обнаружил справа по носу небольшой пароход. Поскольку видимость еще не превышала пяти миль, с встреченного судна сразу разглядели, с кем имеют дело, и бросились удирать, сигнали ракетами и телеграфом. Наши станции пытались мешать, но вскоре дальше на западе с верхних марсов головного разведчика заметили такой же ракетный сигнал, взлетевший выше дымки, висевшей над водой. Это явно были дозорные суда. И их было несколько.

До Окочи оставалось пройти еще около ста миль. С юга шла крупная волна, подгоняемая порывистым попутным ветром, быстро разгонявшим туман. Вскоре видимость достигла ста – ста двадцати кабельтовых. На западе все еще едва виднелся удирающий пароход, преследовать который даже не пытались, поскольку на юго-востоке также показались какие-то дымы и неясные силуэты, быстро шедшие пересекающимся курсом. Разглядеть, кто оттуда приближается, пока не удавалось, но покидать позицию «Богатырю» категорически запретили. Произвести доразведку эсминцами не пытались. Из-за свежей погоды они оказались практически не боеспособны и едва могли удерживать место в строю меж коротких колонн транспортов.

Поскольку смысла в постановке помех уже не было, Рождественский приказал это прекратить. Тут же связались с Цусимой, откуда сообщили, что вдоль западного побережья островов фарватер удалось расчистить почти до Окочи. Мин у выхода из Цусима-зунда обнаружили много. На первых восьми милях фарватера тральную партию приходилось менять три раза из-за частых подрывов в тралах порой целых связок мин.

Это траление запомнилось всем его участникам как одно из самых тяжелых, причем не только из-за жестких погодных условий. От мощных гидравлических ударов, вызванных частыми подрывами, один из буксирных пароходов потерял две лопасти винта и едва смог самостоятельно вернуться во внутреннюю акваторию Цусимы. На нескольких миноносках открылись сильные течи, но на плаву они удержались.

Сдавали не только тонкошкурные миноноски. Даже добротные прочные корпуса грунтовозных паровых шаланд потекли во многих местах. Имелось множество мелких повреждений в котлах и паровых магистралях, устраняемых по мере возникновения прямо на месте. Обрывы и заклинивания штуртросов, вызванные сотрясениями и упругими деформациями корпусов, на общем фоне считались вполне заурядными явлениями. Их просто чинили на ходу.

Судя по докладу из Озаки, в «тени» северного из Цусимских островов, вдоль его западного берега, волнение пока было не такое сильное. Даже миноноски вполне вытягивали пять узлов, двигаясь по течению. Правда, всего в двух-трех милях дальше в пролив даже само плавание для миноносцев, а тем более для миноносок, становилось небезопасным, не говоря о работе с тралами.

Это, помимо все более плотной опеки противника, стало еще одним поводом для того, чтобы поспешить. На эсминцах при эскадре и конвое не имелось тралов, поскольку их в спешке просто не приняли на борт во Владивостоке, а в штатное вооружение эти довольно громоздкие приспособления, мешавшие использованию минных аппаратов и кормовых орудий, не входили. Теперь же получалось, что в случае перемены направления ветра на более восточное, или даже просто при его усилении, кораблям и транспортам придется пробираться ненадежным фарватером без проводки за тральной партией. Или отстаиваться до улучшения погоды в Окочи. А там все еще не было надежной береговой обороны, и можно было запросто дожидаться скорого появления всего самурайского флота в полном составе, с вытекающими последствиями.

В том, что японцы охотно ввяжутся в решительный бой на истребление, никто не сомневался. Сберечь пароходы, имевшие в числе прочего массу взрывоопасных и горючих грузов, в таком случае будет почти невозможно. А это стало бы катастрофой, поскольку неминуемо вело к скорой потере контроля над Цусимой, а с ней и над всей южной частью Японского моря.

В Озаки отправили депешу с приказом пробить и удерживать фарватер до подхода конвоя любой ценой. Из-за активного противодействия японцев переговоры могли вести только мощные станции «Орла» и «Олега». Но и они с трудом перебивали множество более старых и слабых передатчиков патрульной мелочевки, собиравшейся вокруг во все больших количествах. С мостиков и марсов уже насчитали более десятка паровых и парусных судов, не особо навязчиво курсировавших в отдалении на разных курсах, но упорно державшихся в пределах видимости.

Конечно, движение в этих водах всегда было очень интенсивным, но чтобы вся эта плавающая братия вот так назойливо мозолила глаза, рискуя быть перетопленной в течение какого-то часа, еще не бывало. Складывалось впечатление, что японцы умышленно стараются раздразнить наш ордер, чтобы затем, улучив момент, напасть на открывшиеся неповоротливые транспорты.

Полный хаос в радиоэфире, царивший с самого рассвета, похоже, изрядно затруднял противнику управление его собственными патрульными силами. Хотя вполне возможно, в первые утренние часы никакого управления еще и не было. Явные его признаки начали проявляться только теперь.

Сначала несколько раз подряд в течение короткого промежутка времени приняли одну и ту же телеграмму, в начале и конце которой стоял позывной крепости Бакан. После чего интенсивность японских переговоров резко снизилась. Вскоре японцы вообще прекратили непре-

рывную трескотню, перейдя все еще к активному, но теперь явно упорядоченному радиообмену.

Это позволило и Рожественскому ускорить обмен информацией с осажденными островами. Отправив в Озаки запрос о текущей ситуации, получили ответ, что кроме двух небольших пароходов непосредственно напротив входа в Цусима-зунд противника с Цусимы не наблюдают. Хотя дымов по горизонту много. Ясности это не добавило, но утешало хотя бы то, что тральным работам, прикрываемым теперь «Олегом», никто препятствовать не пытается.

Довольно скоро после этого стали приниматься сигналы какой-то другой, гораздо более мощной и тоже явно японской станции. В начале ее сообщения стоял короткий набор знаков, вероятно, чей-то личный позывной. Он был очень похож на сигналы, что часто слышали накануне вечером. Только теперь они принимались гораздо отчетливей.

На первую же телеграмму с этой станции отозвалась крепость Бакан, чьи позывные наши минеры уже хорошо знали, разразившаяся длинной депешей. Часть ее удалось расшифровать. Судя по всему конвой нагоняли большие японские военные корабли и запрашивали наши координаты, курс и скорость, а также обстановку в целом.

Как только это стало ясно, Рожественский приказал поднять ход до предела, рассчитывая хотя бы на 14 узлов, надеясь все же успеть проскочить севернее Цусимы без боя. Однако из-за ветра и крутой волны, бившей в левую скулу, конвой едва выдавал двенадцать, даже при зажатых клапанах на котлах транспортов и работе их машин на предельной мощности.

Постоянно отправляли запросы в Окости о ситуации вокруг, сообщая о наблюдаемых поблизости от конвоя дымах. С помощью береговых постов надеялись заглянуть за горизонт, чтобы выяснить, не готовят ли японцы какую-нибудь пакость. Но ответную телеграмму получили далеко не сразу.

Хотя с вершин прибрежных возвышенностей у мыса Горосаки уже давно видели большое облако дыма, наползавшее с востока, а станция северной воздухоплавательной роты уверенно принимала все депеши, ответные послания не доходили, о чем свидетельствовали постоянно повторявшиеся запросы.

Собственно, в первые час-полтора ответить из Окости могли только то, что не видят крупных кораблей поблизости. В приближавшей стене дымов, занимавшей достаточно большой сектор по горизонту, совершенно терялись дымы самого конвоя, так что описать ситуацию вокруг него не представлялось возможным, о чем и отбивали короткие шифрованные сообщения каждые четверть часа.

Когда, наконец, на флагмане Рожественского приняли ответ с берега, с «Александра» дали залп тремя красными ракетами, чтобы показать свое место. Этот сигнал сразу обнаружили с горы Каджигасова и даже с верхних постов у бухты Шиши. В Окости, получив доклады об этом, имея сразу два точных пеленга на наши корабли, определили расстояние до конвоя и смогли точнее описать ситуацию вокруг него.

Несмотря на малое расстояние, из-за недостаточной мощности старой станции телеграммы из Окости все еще доходили не каждый раз и всегда не полностью. По этой причине на эскадре так и не получили нужные пеленги и еще какое-то время не знали, что оказались южнее, чем хотели. Лишь поняли, что ничего угрожающего пока не наблюдается.

А в Окости, уловив квитанцию о приеме, продолжали отмечать пеленги, явно спускавшиеся слишком далеко в Цусимский пролив. Там хотя и не могли взять в толк, зачем конвой ведут не к мысу Горосаки, как было бы быстрее добраться до входа на фарватер, а куда-то между ним и бухтой Миура, тактично не стали указывать большому начальству на столь грубую ошибку в навигации. Все же «им из кабинета виднее».

А в штабе на борту «Александра» немного успокоились. Получив даже частичные, обрывочные сведения, из которых удалось понять, что вокруг только дозорные суда, решили, что самое опасное уже позади. Оставалось завершить последний бросок. Поскольку мелкие япон-

ские пароходы, маячившие на всех румбах, все так же не пытались подходить ближе семи миль, командам разрешили обедать посменно.

К этому времени горячая еда стала уже необходимостью. После почти полутора суток на сухом пайке и чае в условиях повышенной нервозности люди заметно устали. А впереди еще был очень ответственный участок пути за тралами по сложному фарватеру. Требовался хотя бы короткий отдых.

Даже когда пришло сообщение о дымах крупных судов, появившихся к северу от Окочи, тревогу не объявляли. Шансы успеть проскочить на фарватер у них под носом казались достаточно высокими. В любом случае время до боя еще было. Судя по постоянному усилению сигналов передатчика с неизвестными позывными, сюда приближался еще кто-то достаточно большой и быстрый. Скорее всего, это его дымы уже видят с Горосаки.

Отгонять соглядатаев не пытались по причине их чрезмерно большого числа и явного недостатка сил для этого. Закончив обедать, занялись приготовлениями к бою. Снова разносили питьевую воду по башням и казематам, проверяли линии связи, заготовленные материалы для заделки пробоин и подкреплений переборок и горловин люков.

Поскольку из соображений соблюдения секретности и из-за нехватки времени обычной бункеровки до полных запасов перед выходом в море не было, угля на кораблях в этот раз оказалось гораздо меньше. По этой причине импровизированной защиты из него не делали вообще. Даже основные угольные ямы броненосцев заметно опустели, так что оставалось надеяться только на броню и стальную противоосколочную защиту, да выюшки тросов и цепей, уложенных и развешенных там, где никакой защиты не было, но она была нужна. Ну и на свои пушки и выучку экипажей, конечно.

В половине второго из легкой мглы впереди по курсу показались горы Цусимы. Штурмана немедленно воспользовались возможностью уточнить наше место. В свои прокладки, без единой обсервации с момента выхода из залива Петра Великого при сильном встречном ветре с волной то в правую, то в левую скулу и существенных боковых и встречных течениях, они уже не особо верили. Только тут и выяснилось, что конвой слишком склонился к югу.

Невязка была меньшей, чем можно было ожидать в таких условиях. В итоге это давало задержку всего чуть более получаса до района собственных оборонительных заграждений. В общей сложности до передового минного поля Окочи и прикрывавшей его батареи оставалось теперь не более полутора часов хода при почти попутном ветре и волне, но эти лишние полчаса могли показаться вечностью.

Хотя крупных японских кораблей и даже дымов, о которых сообщили с Цусимы, с конвоя и его эскорта пока еще не видели, напряжение росло с каждой минутой. Теперь предстояло выходить на северную оконечность островов с востока-юго-востока, а потом еще и огибать рифы вокруг нее, уже неизбежно на виду у противника. Становилось ясно, что избежать столкновения не удастся. Прекрасная осведомленность японцев обо всех наших передвижениях в течение последних часов вполне позволяла им успеть организовать как минимум массированные атаки их миноносцев и всех остальных легких сил из Фузана и Мозампо именно там, где волна заметно слабее.

Глава 2

Идея реванша прочно засела в головах высшего руководства японского флота сразу после Цусимы. Спешно устранялись боевые повреждения у тех, кто уцелел, разрабатывались планы, копились запасы. Сразу бросаться сломя голову на штурм Владивостока, где укрылся неожиданно опасный противник, не стали. Возможно, напрасно. Но тогда никто не верил, что русские смогут восстановить боеспособность после такой тяжелой битвы, да еще и в такие сроки.

Однако они всех удивили. Их наглая июньская выходка на западном побережье империи с порчей тоннелей и прочего железнодорожного имущества, завершившаяся вторжением крейсеров в пролив Цугару для обеспечения прорыва каравана своих судов со снабжением, стала дополнительным стимулом, но и заставила задуматься.

Совершенно немислимым образом Рождественскому удалось согласовать действия отдельных отрядов, находившихся по обе стороны Японских островов. На элементарное везение это никак не было похоже. Судя по всему, использовались мощные станции беспроводного телеграфа. Причем очень грамотно. Это подстегнуло к разработке мер противодействия и вообще ко всяческому совершенствованию этого нового, но весьма перспективного вида связи.

Столь искусный враг вызывал уважение. И именно поэтому его требовалось добить раньше, чем он оправится от полученных ран. Уже на следующий день после стрельбы в Цугару морской министр вице-адмирал Яомото потребовал от начальника МГШ адмирала Ито в кратчайшие сроки разработать операцию по надежной блокаде Владивостока и прекращению всего судоходства противника в Японском море.

Но раньше, чем удалось закончить составление предварительного плана, русские разгромили Майдзуру и высадились на Цусиме. Еще даже не законченный «проект» пришлось в корне перекраивать, причем с большой оглядкой на требования армии, забиравшей все большую власть в Ставке императора.

Не имея явных успехов, моряки, тем не менее, не желали терять своего влияния. В ходе напряженной подковерной борьбы удалось частично восстановить утерянные политические позиции, но тут снова все испортили русские. После того как они «запечатали» пролив Симоносеки и разрушили порты в Осацком заливе, начальник Генерального морского штаба маршал флота виконт Ито и его заместитель контр-адмирал Идзюин едва не совершили сэппуку.

Только личный указ императора, потребовавшего именно от них исправить ситуацию в самое кратчайшее время, заставил отложить уход из жизни. Но что-либо изменить до подхода подкреплений оказалось невозможно, а голос флота ослаб как никогда. Настолько, что в дальнейшем, при планировании любых операций приходилось исходить, в первую очередь, из интересов Главного штаба и маршала Оямы.

Флот вынужденно перешел к обороне, отдав инициативу противнику. В этой ситуации морской министр адмирал Яомото Гамбей, еще в должности секретаря морского министра в 1891 году добившийся отделения штаба флота от штаба армии, подал в отставку. Вместе с ним решил оставить свой пост и его заместитель контр-адмирал Сайто. Однако император отставки не принял, призвав к их мужеству, чтобы испить до дна чашу позора, который они обрушили, в первую очередь, на свою страну, и уже только потом лично на себя. Его воля была однозначна: до конца войны никаких отставок и добровольных уходов из жизни высшего командного состава без его личного разрешения.

Вынужденно подчиненное армии положение довольно долго не позволяло вернуться все-речь к вопросу реванша, поскольку присутствие всех боеспособных сил флота было необходимо в южных водах для обеспечения безопасности морских перевозок в Цусимском проливе и южнее его. А для реализации плана блокады Владивостока требовалось наоборот выдвинуться достаточно мощным соединением на север, как можно ближе к русским берегам. При-

чем залогом успеха являлось приобретение в северной части Японского моря на корейском берегу подходящего пункта базирования, который при помощи флота могла отбить, а потом и удерживать только армия.

Планы активной блокады главной русской базы продолжали разрабатывать, но уже по остаточному принципу. Основное внимание сосредоточили на обеспечении безопасности судоходства в южной части Цусимского пролива. Удалось наладить перевозки почти на тридцатипроцентном уровне от первоначальных поставок на материк. Даже провели большой конвой с самыми необходимыми грузами, что позволило, наконец, снизить нагрузку на боевое ядро и почти приступить к необходимому текущему ремонту основного уцелевшего состава флота.

Но последовавшее вскоре новое оглушительное морское поражение – разгром Сасебо – вообще ставило под вопрос продолжение любых морских операций не только во внутренней акватории Японского моря, но даже и в районе стратегически важного Цусимского пролива. Однако категорическое требование Главной квартиры сохранить контроль над перевозками из метрополии на материк однозначно решило этот спорный вопрос. Хотя от идеи блокады Владивостока пришлось отказаться, как тогда казалось, окончательно.

К этому времени сопровождение транспортов, блокада Цусимы, выражавшаяся в остром патрулировании и активном минировании прилегавших к Цусима-зунду вод, стали основными задачами. Несмотря на их успешное выполнение, русская эскадра после атаки Сасебо и короткой стоянки в Озаки все же смогла ускользнуть из Озаки во Владивосток.

После такого во флотских штабах всех уровней ожидали вообще всего, чего угодно, вплоть до полного прекращения отдельного финансирования, и без того ужатого в пользу армии до неприличных размеров. Но, судя по полученному вскоре из Токио приказу о приведении действующей эскадры в состояние повышенной боеготовности, на самом верху планировалось что-то более серьезное и на флот все еще надеялись.

По мере поступления необходимого снабжения в Мозампо, а также с приходом дополнительных плавмастерских приступили к восстановлению боеспособности действующей эскадры. Все современные крейсера уже довольно давно остро нуждались в переборке и регулировке главных механизмов и проведении минимально необходимого корпусного и прочего ремонта.

Постоянно обслуживаемые своими плавучими тылами миноносцы и истребители, несмотря на интенсивную службу, имели заметно меньше подобных проблем. Неизбежный износ машин этим, конечно, компенсировать было нельзя, но в остальном их удавалось все время содержать в технически исправном состоянии.

Едва в МГШ стало известно, что в ближайшее время планируется привлечение практически всего оставшегося у империи флота для обеспечения крупной десантной операции армии в Броутоновом заливе, появилась надежда наконец-то воспользоваться предстоящим выдвижением к русскому побережью для проведения давно желанной крупной набеговой операции. Интересы генералов и адмиралов теперь по многим вопросам абсолютно совпадали. При достаточном размахе это давало шанс с самого начала перехватить инициативу и действовать от нападения, вынуждая противника отбиваться.

Этот вопрос обсуждался на координационном совещании в ставке. В итоге при планировании операции прикрытия десанта в качестве превентивной меры прорабатывали и варианты одновременного набега на русское судоходство во всей северо-восточной части Японского моря, с атакой вражеских дозорных судов в заливах Петра Великого и Посъет. Предполагалось также максимальное использование диверсионного ресурса, тщательно культивируемого в последние месяцы. Мощная финансовая подпитка революционного движения давала желаемые результаты гораздо медленнее, чем ожидалось, но они все же были. В ходе второго рейда к Владивостоку действиями агентуры в полной мере удалось обеспечить ориентирование и пристрелку. А теперь уже можно было рассчитывать даже на вооруженные выступления, в том числе и в самой крепости.

Но при этом МГШ оказался скован в своих действиях категорическим приказом морского министра «в первую очередь обеспечить безопасность пароходов с грузами для армии». Кроме того, как в рамках своих планов, так и во исполнение запросов генералов было необходимо начать с захвата порта Гензан. Вдобавок только что произведенный в вице-адмиралы командующий действующим японским флотом Като также должен был ни в коем случае не допустить подвоза снабжения на осажденную Цусиму.

Хотя серьезного противодействия со стороны главных сил русского Тихоокеанского флота не ожидалось, эти жесточайшие ограничения с самого начала значительно уменьшали численность привлекаемых для набега сил и резко ограничивали всю операцию по времени. Но в любом случае главные силы Японского флота в ней участвовали.

Считалось, что появление у последней русской базы всех оставшихся в строю броненосных и бронепалубных крейсеров если не парализует активность немногочисленных боеспособных крупных современных кораблей противника, базирующихся на Владивосток, то, по крайней мере, значительно снизит их активность.

По заверениям разведки, часть кораблей линии Рождественского еще не успели полностью восстановить свою боеспособность и, как сообщали агенты, имели большие проблемы с артиллерией, особенно больших калибров. У русского морского ведомства просто не имелось запасных стволов, чтобы заменить изношенные на броненосцах. Это вынуждало снимать их с кораблей Черноморского флота и везти по железной дороге на Дальний Восток, что требовало немалого времени. Активные действия японских агентов по организации саботажа на Транссибирской магистрали создавали дополнительные трудности в этом. Помимо артиллерии на всех новых броненосцах с большим размахом велись другие работы по корпусам и механизмам, так что выйти в море они гарантированно не могли.

Это подтверждали и аналитические выкладки, основанные на имевшихся достоверных сведениях о сроках ремонта «России» и «Громобоя» после боя у Ульсана, и мнение английских советников. В последнее время в Главной квартире больше полагались на это, чем на данные агентуры, сильно скомпрометированной за месяцы, прошедшие после прорыва второй эскадры. Так или иначе, завершение ремонта тяжелых русских кораблей в ближайшее время считалось невозможным.

Точное место нахождения малых броненосцев, неоднократно перемещавшихся в пределах залива Петра Великого, установить не удалось. Один из них, сильнее всех пострадавший от огня фортов Сасебо, так и не попал в сухой док и теперь тихо ржавел у стенки завода. Судя по совершенно запущенному внешнему виду и полному отсутствию на его борту экипажа, вводить в строй его уже не планируют. Даже сняли все исправные пушки, чтобы восстановить остальные и вооружить транспорты. Башни разобрали, вынув оттуда все годное к использованию, а выбракованные стволы главного калибра так и оставили лежать без дела в сторонке.

Но где чинили два оставшихся и что конкретно с ними делали, так и осталось неизвестно. Скорее всего, после поверхностного ремонта при помощи плавмастерских они рассредоточены на артиллерийских позициях в Амурском и Уссурийском заливах. В любом случае, два этих недомерка не могли оказать серьезного влияния на результат набега, основными целями которого станут передовые дозоры и каботаж.

Однако вероятность рейдов на японские коммуникации русских крейсеров и легких сил все еще оставалась высокой. Достать их в базе возможности не было. Перехватить до сих пор не удавалось. Но теперь оставалось лишь дожидаться их выхода из крепости, а потом успеть отрезать пути отхода. Именно они и должны были стать главной целью флота, ради которой разрешалось кратковременное пренебрежение интересами армии.

Уничтожение крейсеров позволяло добиться максимально быстрого обеспечения безопасности судоходства в южной и центральной частях Японского моря. При выполнении этой задачи признавалось допустимым и даже желательным ввязаться в бой с броненосцами, если те

решатся выйти в море. Судя по тому, как упорно Рождественский избегал генерального сражения в течение последних месяцев, к жесткому размену он не готов. Тем более в таком неблагоприятном для него соотношении сил, а вот решиться на короткую вылазку при возникновении подходящей ситуации вполне может.

Исходя из всего этого, операция изначально планировалась как массированный, но стремительный набег, имеющий целью выманить противника из гаваней для навязывания боя с последующим быстрым отходом главных сил к исходным позициям, которыми на начальном этапе намечались Гензан и Порт Лазарева.

До начала десантной операции закончить планирование не успели, а с самого начала ее проведения появились дополнительные сложности, поскольку овладеть Гензаном так и не удалось. Затем очередной сюрприз преподнесли уже русские. Словно дождавшись японского десанта, они просто проигнорировали его и высадились сначала на Курилах, а потом даже и на Хоккайдо, практически блокировав пролив Цугару.

В свете быстро меняющейся ситуации изначальный план набеговой операции снова основательно переработали, назначив в качестве приоритетной цели силы противника на Хоккайдо. При этом пришлось смириться с тем, что если русские крейсера в море так и не выйдут, везде, кроме пролива Цугару, она будет иметь чисто демонстрационный характер, несмотря на численность и мощь используемых сил.

Окончательный вариант плана оказался готов только 19 сентября. В соответствии с ним начало общей атаки назначили на поздний вечер 20-го, рассчитывая на вспомогательных направлениях закончить к вечеру следующего дня. После чего отдельные отряды вспомогательных крейсеров должны будут действовать на отдаленных от русской базы коммуникациях еще в течение нескольких суток или даже недель уже самостоятельно. А северо-восточный отряд вообще уйдет в автономное плавание по Охотскому морю.

Полную свободу в выборе тактики и продолжительности атак предоставили также отдельным сводным силам, чьими целями назначались русские корабли в проливе Цугару и других пунктах на юге Хоккайдо. Там предстояло опробовать в деле еще и новый для японского флота вид оружия, вполне успешно примененный русскими на Черном море еще более четверти века назад.

Предпринятая одновременно с набегом массированная атака миноносцев, в том числе и новейших истребителей с выделенными им силами прикрытия, против отряда Небогатова, находящегося сейчас в Хакодате и Муроране, несмотря на кажущуюся скромность привлекаемых сил, должна была стать основной. В случае успеха она гарантированно выводила из игры русскую эскадру в проливе Цугару, считавшуюся единственной полностью боеспособной.

Ее костяком являлись два устаревших броненосца и не менее устаревший броненосный крейсер. Учитывая недостаточную защищенность с моря залива Хакодате и самого этого порта, так же как и Мурорана, особенно после подрыва русскими же батареей форта Цугару, и хорошую освоенность тех районов японским флотом, шансов отбиться у Небогатова оставалось мало.

Предполагалось, что уничтожение или вывод из строя всех крупных боевых кораблей противника в районе Хоккайдо позволит в дальнейшем более свободно действовать в северной части Японского моря небольшим автономным диверсионным отрядам, сформированным из вооруженных пароходов и миноносцев или истребителей. Их главной задачей станет полное прекращение вражеского судоходства в Японском и Охотском морях.

Развивая успех, атакуя важные пункты на русском материковом побережье и Сахалине, поднимаясь Татарским проливом к северу вплоть до пролива Невельского и входя в Охотское море через пролив Лаперуза, эти отряды должны будут разгромить все вражеское прибрежное судоходство и дозорные линии, мешающие промыслу у Сахалина, Камчатки и островов Курильской гряды. Действиями этих отрядов предполагалось также прекратить подвоз снаб-

жения высаженным на Курилах и в северо-западной части Хоккайдо десантам, чем принудить их к капитуляции.

По самым последним данным разведки, в настоящий момент наиболее интенсивное движение наблюдалось в районе бухты Владимира и залива Ольги, где формировались караваны судов с грузами для войск на Хоккайдо, а также у восточного выхода из залива Петра Великого. Противник спешил закрепиться на захваченных территориях. Кроме того, отмечалась подозрительная активность в заливе Посъет, где, как стало известно совсем недавно, также грузились войска на пароходы. По этим пунктам, наряду с входом в пролив Цугару из Японского моря, портом Хакодате в нем самом и новым угольным портом Муроран, захваченными русскими, следовало ударить в первую очередь.

Для достижения максимального результата все намеченные первоочередные цели следовало атаковать одновременно. Считалось, что при этом будет получен гораздо больший моральный эффект, что позволит сразу сломить все попытки организованного сопротивления. Только после успеха первого ошеломляющего удара следовало приступить к более тщательному осмотру прибрежных вод и нападать на плохо защищенные стоянки на Сахалине и Курильских островах.

Пост Корсаков, имевший мощную береговую оборону, с самого начала планировалось лишь блокировать постановкой плотных минных заграждений со вспомогательных крейсеров северо-восточного диверсионного отряда одновременно с первыми атаками на других участках. Избавившиеся от большей части своих мин, вспомогательные крейсера далее предполагалось двинуть на восток к Камчатке для осмотра бухт и портов на ее побережье с целью обнаружения и уничтожения мест базирования дозорных судов пограничной стражи. Также они должны были минировать подходы к портам и перехватывать суда с военной контрабандой, идущие во Владивосток тем маршрутом.

От предполагавшегося на начальной стадии разработки усиления этого отряда вспомогательными крейсерами из состава сил обороны Тихого океана пришлось отказаться, так как они все оказались задействованы на защите коммуникаций. Но, несмотря на явную слабость северо-восточного отряда, отменять рейд в Охотское море не стали, поскольку считалось, что после атаки Хакодате и других стоянок отряда Небогатова и, как минимум, надежного блокирования основных сил эскадры Рождественского, сосредоточенных в районе Владивостока, русские уже не смогут оказать реального противодействия.

В этом случае с разорением не имеющих никакой береговой обороны прибрежных поселений и уничтожением десятка-полтора китобойных и зверобойных шхун, вооруженных старыми револьверными пушками, сможет справиться даже малочисленное соединение пароходов, имеющих пусть всего по два устаревших орудия, но гораздо более серьезного калибра и современные малокалиберные скорострелки. Ничего способного представлять опасность для них там появиться не должно.

В Главной квартире считали, что из-за отсутствия в тех малоосвоенных районах всех видов связи кроме посыльных судов своевременно узнать о предпринятом рейде русские не смогут. Это позволяло надеяться застать врасплох их активизировавшееся судоходство у Курил, Камчатки и Командор.

Сведения об этом, полученные от коммерческих агентов фирм «Мебер», «Боштерс и К^о» и многих других, также пострадавших и жаждущих поквитаться, имелись самые свежие и достоверные. Уничтожение либо захват русских судов в тех водах именно Японским императорским флотом вернет Японии ее монопольное право на добычу рыбы и всего остального к северу и востоку от Хоккайдо. Американские, канадские и английские зверопромышленники готовы были оказать всемерное содействие, рассчитывая на то, что их интересы также не будут обойдены вниманием при подведении итогов.

Кое-какие прибыли от этого можно было получить уже в ближайшее время. Хотя основной сезон, связанный с нерестом лососевых, уже закончился, в укромных бухтах и устьях рек Камчатского полуострова все еще скрывались многочисленные фактории японских рыбозаготовителей, только и ждущих удобного случая вывезти все добытое в метрополию. Кроме того, там хватало и других природных богатств. Это даст задыхающейся под бременем военных расходов империи хоть какую-то отдушину. К тому же установление контроля над Охотским морем будет хорошим подспорьем укреплению пошатнувшегося престижа страны на внешнеполитической арене.

Назначенный на 20 сентября срок начала операции оказался сорван из-за поступившего накануне доклада агентов о выходе на испытания после завершения ремонта броненосца «Орел». Теперь у Рожественского было два мощных современных броненосца, с чем приходилось считаться. Однако уже на следующий день пришло известие, что «Орел» снова небоеспособен из-за аварии холодильника. Для его ремонта готовят кессон.

Хотя в Главной квартире пришли к выводу, что в ближайшие дни он точно никак не сможет повлиять на исход уже спланированной вылазки, из-за все еще продолжавшихся бесконечных доработок и увязывания интересов сухопутного и флотского командования ее все время откладывали. Только к утру 22 сентября все согласования были закончены. В Токио, наконец, одобрили план, о чем тут же был извещен вице-адмирал Като, начавший действовать немедленно.

Уже с наступлением темноты 23 сентября миноносцы, истребители и вспомогательные крейсера приступили к его непосредственной реализации. К этому времени броненосные крейсера «Якумо», «Адзума» и «Токива», бронепалубный «Касаги», включенный в состав броненосного отряда в качестве разведчика, а также отряд контр-адмирала Уриу в составе «Цусимы», «Акаси», «Нанивы» и «Такачихо» покинули свою стоянку и шли полным ходом к острову Аскольд. Тихоходные «Нанива» с «Такачихо» вскоре повернули на юг-юго-восток, достигнув параллели Гензана и развернувшись к востоку, приступили к патрулированию на позиции в семидесяти милях северо-восточнее мыса Пещурова.

Их задачей было усиление имевшихся там дозоров и обеспечение их надежной радиосвязью с главными силами, действовать совместно с которыми они не могли. Зато, находясь там, довольно сильные, но не слишком быстроходные крейсера получали возможность самостоятельно атаковать караван русских транспортов, если те попытаются проскочить на Цусиму, воспользовавшись вполне вероятной стычкой русского и японского флотов. Одновременно с этой позиции они страховали оставшиеся с минимальным прикрытием пароводные стоянки от возможного нападения легких сил противника, в случае если им удастся разминуться с остальными японскими отрядами.

Для своевременного обнаружения попыток проникновения в Броутонов залив уже вскоре после полуночи 23-го к югу от устья реки Тюмень-Ула была развернута плотная дозорная линия из шхун и мобилизованных каботажников. Предполагалось, что по мере развития событий русские решатся на вылазку не ранее утра. При этом им потребуется почти весь день на переход, так что атаковать они смогут только перед закатом. Но к вечеру к плацдармам уже должны вернуться большие крейсера и основная часть используемых в атаке миноносцев, что обеспечит их полную безопасность.

Таким образом, для решительного боя в окрестностях залива Петра Великого, если таковой все же состоится, у Като имелся весь световой день 24 сентября. В случае если все будет развиваться по плану, этого вполне должно было хватить. В МГШ в Токио были уверены, что успеют перехватить и уничтожить русские крейсера, если те решатся выйти из залива для атаки японских истребителей. Столкнуться с чем-то более серьезным считалось маловероятным.

Но не исключались и чисто демонстрационные действия противника еще не до конца боеспособными тяжелыми кораблями. Поэтому в случае появления броненосцев предписыва-

лось в обязательном порядке войти с ними в огневой контакт, с целью объективной оценки степени их опасности. И только исходя из его результатов либо принять бой при благоприятных условиях, либо быстро от них оторваться, пользуясь превосходством в скорости.

При этом в любом случае рекомендовалось обозначить направление движения главными силами в сторону пролива Цугару, что могло подвигнуть русских попытаться атаковать парходные стоянки в заливе Хан-хынман и бухте Ивон-Пакчи. Созданная там мощная минная оборона, подкреплённая береговыми батареями и артиллерией кораблей отряда контр-адмирала Ямада, давала шанс без особого риска попробовать заманить на нее крупные корабли врага, а в случае подрывов добить их артиллерией и атаками миноносцев.

Имитация броска всеми силами к Цугару могла также вынудить засевшие там старые русские корабли к срочному отходу. Что, в свою очередь, открывало возможность отрядам миноносцев и истребителей, сосредоточенным у восточного и западного устьев пролива, перехватить их в море и атаковать, дождавшись ночи. В этом случае вероятность добиться решительного успеха была для них гораздо выше.

Таким образом, в окончательном варианте операции, по большому счету, все действия у залива Петра Великого являлись только имитацией массированного штурма Цугару, призванной выманить врага из его логова. Выглядела эта имитация вполне убедительно. Теоретически появление крупных сил флота у берегов северного Хоккайдо, сразу вслед за ночными минными атаками, должно было неминуемо завершить разгром окопавшейся там русской эскадры.

Но на самом деле использование тяжелых кораблей объединенного флота ни на коммуникациях восточнее залива Петра Великого, ни тем более против отряда контр-адмирала Небогатова планом операции вообще не предусматривалось. Они должны были всего лишь дать себя обнаружить с берега в районе заливов Стрелок и Америка, двигаясь на восток, после чего сразу возвращаться, скрытно пройдя мористее вне зоны видимости.

Оставшиеся два бронепалубника контр-адмирала Уриу вместе со вспомогательными крейсерами, следуя до ночи на восток и ведя активные переговоры по радио, имели задачу «создать впечатление продолжающегося движения к Цугару крупными силами». Но с наступлением темноты и они так же скрытно возвращались к стоянкам транспортов.

Столь сложное маневрирование позволяло обеспечить максимальную безопасность армейских плавучих тылов, одновременно провоцируя противника к вылазке в направлении Гензана. В ставке были уверены, что даже если русские, сумев скрытно миновать дозоры, доберутся до транспортов раньше, чем вернется флот, преодолеть с ходу оборонительные рубежи они никак не успеют, так что потери в транспортах если и будут, окажутся минимальными, а вот прорваться обратно им уже не дадут.

Получив, наконец, из столицы одобрение окончательного варианта разработанного штабом Като и МГШ плана, на действующей эскадре его еще раз внимательно изучили. Серьезные сомнения теперь вызвала уверенность в небоеспособности русских броненосцев. Даже располагая самыми последними сообщениями от владивостокской агентуры, в силу географии попадавшими к Като раньше, чем в МГШ, этот тезис уже не казался столь убедительным. За последние месяцы русские успели приучить японцев к самым невероятным неожиданностям, так что, готовя свой боевой приказ, вице-адмирал Като исходил из того, что его противниками могут стать именно броненосцы. Сейчас это было бы желательно как никогда. В надежде все же подловить их он распорядился не принимать перед боем полных запасов топлива, зато боезапас загрузить сверх нормы.

В сочетании с хорошим состоянием главных механизмов это давало лишние пол-узла скорости, позволяло быстрее догнать противника и навязать бой на большей дистанции, где русские броненосцы теряют свою убойную силу, после чего, сбив скорость одному или нескольким кораблям и выбив пушки, догнать и добить их торпедами, по возможности максимально потрепав и остальных.

Таков был план. Однако действовать в соответствии с ним не получилось. Еще около полуночи при выдвижении на боевую позицию на флагманском «Якумо», приближавшемся к входу в залив Петра Великого, получили телеграмму от капитана первого ранга Фудзимото. В ней сообщалось о том, что большой вооруженный пароход, только что миновавший остров Аскольд, смог отбиться от преследовавших его истребителей и ушел предположительно на восток. В темноте его быстро потеряли, даже не разглядев толком.

Излагаемые далее в депеше подробности плановой атаки на дозорные суда и тральщики Като совершенно не заинтересовали. Зато за слова о большом пароходе он невольно зацепился. Хотя сейчас его и потеряли из вида, но еще оставался шанс с рассветом нагнать и утопить или захватить этот транспорт, который один стоил гораздо больше всей мелочевки, на которую могли рассчитывать миноносцы и вспомогательные крейсера, даже прочесав побережье до последней бухты. К тому же погоня за ним станет дополнительным стимулом для Рождественского принять бой. В любом случае, это совершенно не отменяло охоту на русские крейсера и миноносцы, если те рискнут посягнуть на паровые стоянки.

В своих расчетах он исходил из того, что имеет дело с крупным быстроходным транспортом, имеющим ход в тринадцать, максимум пятнадцать узлов. Своими немногими оставшимися двадцатиузловыми пароходами-крейсерами русские очень дорожили и вряд ли отправили бы кого-нибудь из них в рискованный рейс совсем без эскорта.

Исходя из этого, он решил немедленно начать погоню всеми силами, рассчитывая, что успеет покончить с ним еще до полудня, после чего сразу вернется. С большим трудом преодолевая сильные помехи в работе радио, создаваемые, согласно плану, японскими же станциями беспроволочного телеграфа, удалось связаться с отрядами, действовавшими у залива Петра Великого, и передать им приказ об отмене прежней задачи и сосредоточении в районе к югу от мыса Поворотный.

Далее уже через них ретранслировали распоряжение для вспомогательных крейсеров «Кантомару» и «Тахочи-мару», атаковавших бухту Ольги, о срочном выдвижении на перехват большого транспорта, предположительно прорывающегося к проливу Цугару, но возможно, и идущего в пролив Лаперуза.

С другим отрядом, возглавляемым вспомогательным крейсером «Ниппон-мару», атаковавшим западное устье пролива Цугару, связаться так и не удалось, но это было уже совсем не критично. Задействовать его в начавшемся «загоне дичи» все равно не представлялось возможным.

К утру из собравшихся у Владивостока японских крейсеров, истребителей и вооруженных пароходов удалось сформировать достаточно широкую поисковую цепь, быстро продвигавшуюся на восток. Однако до полудня ускользнувшего русского обнаружить так и не удалось. Судя по всему, он предпочел укрыться на одной из стоянок, в большом количестве организованных русскими на побережье.

К этому времени японцы уже ушли на сто семьдесят миль к востоку от мыса Поворотный, и Като всерьез беспокоился за безопасность судов в Броутоновом заливе. Еще большую тревогу вызывало молчание патрульного вспомогательного крейсера «Агано-мару», оставленного у Владивостока в качестве дозора. В назначенное время на связь он не вышел, на вызовы не отвечал, хотя станция броненосца «Фусо», находившегося гораздо западнее, у Риена, подтвердила получение депеши, адресованной этому дозорному судну. Такие новости всколыхнули нехорошие предчувствия в душе японского адмирала.

Не считая возможным отрываться далее от побережья, Като развернул свой флот на обратный курс. Истребители были отправлены полным ходом прямо на стоянку пароходов в бухте Ивон-Пакчи. Туда же двинули и «Наниву», в то время как его напарник «Такачихо» должен был сместиться на северо-восток от своей теперешней позиции, навстречу флоту, чтобы

попытаться перехватить русские корабли, возможно, отправившиеся к Цусиме из Владивостока.

Сам Като с остальными крейсерами двигался навстречу «Такачихо», забирая еще дальше к югу, чтобы гарантированно перехватить пароходы и их эскорт, в случае если те все же решились выйти в море. О том, что в русской базе стоят быстроходные пароходы, готовые к отправке и уже загруженные всем необходимым для Цусимы, японцам было известно, так что это представлялось вполне возможным.

Като на полном ходу продолжал движение курсом на мыс Пещурова, отправив бронепалубные крейсера еще южнее, чтобы наверняка прочесать весь район, до которого могли добраться транспорты. Одновременно крейсеру «Такачихо» было приказано спуститься к югу до 37-й параллели и уже оттуда вести поиск в восточном направлении.

Около одиннадцати часов вечера через «Яэяма» была получена телеграмма с броненосца «Фусо», сообщавшая, что с голубиной почтой получены сведения о планируемом, а учитывая задержку депеши, возможно, уже состоявшемся выходе из залива Посьет в сторону Гензана двух русских малых броненосцев под прикрытием трех истребителей. Судя по всему, они все же решились атаковать пароходные стоянки в Броутоновом заливе.

Но состав задействованных для этого сил наталкивал на мысль об отвлекающем маневре. Тревога в душе японского адмирала росла и крепла. Попытки отправить на их перехват «Нануву» с миноносцами не увенчались успехом. Крейсер на вызовы не отвечал. Повторно связаться с «Яэямой» либо с кем-то еще, чтобы ретранслировать сообщение, также не удалось.

С приближением с юга грозовых облаков радио скоро вообще перестало действовать. Связь с отрядами вне зоны видимости световых сигналов оказалась совершенно невозможной. Никакой информации более не поступало. Так продолжалось до двух часов ночи, когда приняли телеграмму с дозорного судна «Кариу-мару», обеспечивавшего дальнюю радиосвязь правого фланга первой северной линии цусимских блокадных дозоров, развернутых к востоку от острова Дажелет. В ней сообщалось, что около полуночи у островов Оки были замечены большие корабли, шедшие предположительно на юг. Это было более чем на двести миль юго-восточнее позиции японского флота в данный момент.

На немедленно отправленный запрос о количестве и типе обнаруженных кораблей и их точном курсе внятного ответа не получили, но существенным уточнением стало то, что с этих кораблей открыли огонь по показавшей себя ракетным сигналом шхуне. Эта дозорная цепь была сформирована совсем недавно из только что мобилизованных судов и укомплектована чем попало, так что казалось даже удивительным, что они хоть кого-то заметили ночью в довольно свежую погоду, да еще и смогли передать известие почти без задержек.

Несмотря на скудность имеющихся сведений и их сомнительную достоверность, Като немедленно развернулся на юг. Он нутром чувствовал, что это те самые транспорты, наверняка охраняемые всем боеспособным русским флотом, которые он искал уже второй день. Хитрый лис Рождественский снова пытался проскользнуть за спиной у японцев, но на этот раз у него ничего не вышло. Начатое еще погибшим во втором бою у Цусимы Номото тотальное усиление сил береговой обороны дало свои результаты. Русских удалось обнаружить достаточно далеко от японских берегов.

Хотя противник был сейчас гораздо ближе к Цусиме, чем главные силы японского флота, еще оставался хороший шанс перехватить конвой и, наконец, навязать бой Рождественскому. Теперь картинка складывалась полностью. Обнаруженный миноносцами большой пароход, вполне возможно, изначально был отвлекающим маневром. Жирной приманкой, на которую Като и должен был клюнуть, бросив стоянки в Броутоновом заливе.

А когда начались атаки и засветились главные силы действующей эскадры, пришла очередь второго, страховочного отвлекающего маневра уже с имитацией атаки этих самых пароходных стоянок второсортными кораблями. Тот факт, что для этого задействовали только

наспех залатанные малые броненосцы с тремя истребителями, стал лишним тому доказательством. Все это вполне вписывалось в стиль всех последних действий русского флота.

Теперь Като был спокоен. Он разгадал комбинацию своего противника и был готов ответить. Распорядившись дать самый полный ход, на какой только были способны машины, вице-адмирал начал отдавать распоряжения. Отряду Уриу, оказавшемуся очень кстати южнее, и еще дальше выдвинутому к Цусиме «Такачихо» тоже приказали полным ходом двигаться к Окочи и вести разведку. Дозорные суда от северной оконечности Цусимы направлялись к островам Оки, навстречу русским кораблям, чтобы как можно быстрее определить их точное место. Из Мозампо и Фузана было приказано отправить туда же все, что может оказаться полезным.

Одновременно попытались установить связь с крепостью Бакан, чтобы развернуть все базировавшиеся в районе Симоносеки дозорные силы на север и предупредить береговые сигнальные посты о возможном появлении крупных сил противника у побережья. Однако это удалось далеко не сразу. Мешали сначала отголоски грозы, а потом суматошное телеграфирование наткнувшихся на русский конвой дозорных судов. О местонахождении каравана можно было теперь только догадываться, исходя из полученных в самой первой депеше его координат и хорошо известного общего направления движения.

Входивший в состав штаба адмирала Като капитан первого ранга Тонами, являвшийся одним из ведущих специалистов японского флота в области радио, взял управление связью на себя. Благодаря большой работе с флотскими и береговыми связистами, начатой им еще до назначения в штаб действующей эскадры и ухода к берегам Кореи, ему удалось установить взаимодействие с командованием укрепленного района Мозампо и управлением порта Бакан, где имелись самые сильные станции. Управлять переговорами самих дозорных судов с борта флагманского «Якумо» никакой возможности не было. Разобраться в мешанине обрывков их же депеш и многочисленных позывных, накладывавшихся одна на другую, не смог бы никто. Только через самые новые мощные береговые станции, перекрывавшие по силе все прочие сигналы, с большим трудом удалось навести порядок в эфире.

Лишь тогда долгожданные новости о противнике пошли систематизированным потоком. Правда, их правдоподобность все еще вызвала серьезные сомнения. Хотя в сведениях о точке нахождения конвоя, его курсе и скорости все депешки более-менее сходились, относительно численного состава были разногласия и явные небылицы. Мобилизованные рыбаки и торговцы насчитали в русской эскадре целых три одинаковых больших двухтрубных броненосца со всеми пушками в башнях, чего никак не могло быть.

Однако это не смутило японского адмирала. Вполне могло оказаться, что Рождественский взял с собой все, что могло выйти в море, невзирая на степень боеспособности, в чисто демонстрационных целях. Като был даже рад, что будет иметь дело со всеми оставшимися у противника современными большими артиллерийскими кораблями. Предоставлялась уникальная возможность выбить их всех одним ударом.

С рассветом справа по борту открылся корейский берег. Незадолго до полудня миновали бухту Унковского, продолжая нестись вперед и держась прямого курса на Цусиму в нескольких милях от побережья. Через сигнальные посты снова связались с Мозампо, выяснив, что русские еще с ночи спешно тралят прибрежный фарватер из Цусима-зунда к Окочи. Несмотря на гибель от подрывов на минах нескольких судов, им удалось форсировать мощные заграждения у входа в пролив между половинками Цусимы. Дальше мин уже было немного, так что путь для своих транспортов они почти очистили.

Тральные работы прикрывает крейсер «Олег», имеющий явно ограниченную боеспособность, так как, судя по дыму, идущему только из третьей трубы, он держит в действии лишь одну кочегарку. Тем не менее его артиллерия не позволила приблизиться к каравану дозорным вооруженным пароходам.

Но это было уже не важно. Като не собирался допускать соединения конвоя и тральной группы с ее прикрытием. Он гнал свои отряды на запредельной скорости на юг. Угля на большинстве его крейсеров хватало только на бой и возможное преследование разбитого противника до заката. Впрочем, большего и не требовалось.

Поскольку во время последней стоянки в Мозампо, еще готовясь к походу к корейским берегам, на всех трех броненосных крейсерах успели привести в порядок главные механизмы, а почти двое суток пребывания в море на больших ходах заметно опустошили их и без того не полностью засыпанные угольные ямы, главные силы японского флота в течение последних двенадцати часов уверенно держали ход 19–20 узлов. С такой скоростью ни один из них не ходил еще никогда с момента заводских сдаточных испытаний. Ход немного снизили, только нагнав к полудню бронепалубники Уриу, жестко страдавшие от встречной волны и потому не способные держать больше 17 узлов. К этому времени дальше к югу уже виднелся дым «Такачихо», а за ним в легкой белесой дымке едва угадывались контуры вершин самых высоких гор северной оконечности Цусимы.

Таким образом, к трем часам дня 25 сентября японский флот в полном составе оказался менее чем в двадцати милях к северу от скалистого островка-рифа Митсусима, самой северной точки Цусимских островов. К этому времени получили ретранслированную телеграмму с авизо «Яэяма» об атаке японских дозоров у порта Шестакова русскими миноносцами. При этом за горизонтом держались другие неопознанные корабли. После этой атаки радиотелеграфирование в Броутоновом заливе стало невозможным, так как не менее двух станций типа «Телефункен» забивали эфир длинной искрой, в то время как ближе к Владивостоку радио работало нормально. Связь опорного пункта у мыса Пещурова с дозорными судами у реки Тюмень-Ула оставалась устойчивой. Там противника до сих пор не наблюдали.

Учитывая, что главные силы русских достоверно обнаружены и находятся совсем близко прямо перед ним, за судьбу оставленных у корейских берегов транспортов с армейским имуществом Като особо не беспокоился. Стоянки кроме многочисленных миноносцев, катеров, нескольких вспомогательных крейсеров и канонерок с «Фусо» во главе защищали еще и мощные минные заграждения с береговыми батареями, так что всего двум малым броненосцам при трех истребителях эскорта с ходу их было ни за что не взять. Перехватить кого-то в море они тоже не смогут. А ближе к ночи русским уже придется уходить, чтобы не нарваться на торпеду из темноты.

Но постараться наказать наглецов, конечно, стоило. Истребители и «Нанива» получили приказ полным ходом идти к Кангшеню и перехватить русских при их возвращении в свою базу. Судя по расчету времени, дойти засветло даже до Посьета отвлекающая группа уже не успевала, даже если повернет домой прямо сейчас, так и не попытавшись добраться до пароходов у Порта Лазарева.

А главные силы продолжали нестись навстречу столь долгожданному решительному сражению. Скоро от дозорных судов ближних патрулей стало известно, что русские в плотном строю приближаются к Митсусиме с юго-востока. До появления их дымов на горизонте слева по носу японские отряды успели образцово выровнять свои кильватерные колонны, держа скорость в 16 узлов.

На всех кораблях заканчивались приготовления к бою. Снаряды подали к орудиям, а службу мелкой артиллерии отправили в кочегарки, чтобы помочь до предела измотанной машинной команде держать нужный ход. Броненосные крейсера с «Касаги», пристегнутым в хвосте их колонны, держались немного впереди отряда Уриу. Теперь схватка однозначно становилась неизбежной.

Като успел!!

Глава 3

Определившись со своими координатами и скорректировав курс, конвой из всех сил продолжал тянуться к северной оконечности Цусимы. Волна теперь была почти попутной, нагоняя караван с левого борта. Но мягче от этого не стала. Все три эсминца продолжали жестко страдать от качки, к которой теперь добавилось еще и периодическое частичное оголение винтов, с резкими ударами под корму. Радовало, что хотя бы скорость движения возросла. Всего на полтора узла, но все же! Вдобавок свой берег, которым уже стали совсем недавно отбитые у японцев острова, теперь был рядом. Скоро начали обмениваться светограммами с сигнальными постами.

Оттуда сообщали, что японцев, кроме уже известных дозорных судов и большой тучи дыма от чего-то большого, но пока еще далекого на севере, в округе не видно. Тральщики прошли весь фарватер от Озаки и ждут за мысом Горосаки. До этой самой северной точки Цусимы оставалось не более восьми миль, когда с «Богатыря», шедшего в голове конвоя, углядели их дымы, сносимые резким ветром прочь от берега. Но сами тральщики еще скрывались за утесами отходивших к западу от мыса небольших скалистых островков.

Сновавшие вокруг мелкие японцы, видимо, встревоженные этими дымами, начали отбегать, позволив спокойно начать огигать рифы, тянущиеся больше чем на милю к северу. Судя по всему, ожидаемой массированной минной атаки в ближайшее время можно было не опасаться. В этот момент с конвоя разглядели справа, румба на два впереди траверза, то самое подозрительно дымное облако. Судя по всему, это было «дыхание» котлов нескольких крупных кораблей, приближавшихся с севера, и довольно быстро.

На берег передали приказ немедленно отводить тральщики и их медлительный эскорт по фарватеру к югу, чтобы они не задерживали конвой. А флот начал перестроение для боя. Пароходы перешли на левый борт броненосцев, а впереди них встал «Донской». В то время как «Богатырь» со «Светланой» по-прежнему держались в голове строя главных сил. Общий ордер разделился на две равные колонны, начавшие удаляться друг от друга.

Живописный цусимский берег теперь хорошо просматривался всего в двух милях слева по борту. Острова закрыли, наконец, своим массивом русские корабли от шедшей с юго-востока волны. Качка совершенно прекратилась, только резкий ветер продолжал срывать хлопья пены с бежавших по воде барашков, бросая их вместе с веерами мелких брызг на борта и надстройки.

Все три эсминца спешно откачивали из корпусов набранную за переход воду и готовились вступить в непосредственное охранение транспортов, держась на их правом траверзе. Транспорты тем временем переговаривались фонарями с ними и между собой, а флагманский «Александр» – с береговым постом на Горосаки, запрашивая последнюю сводку о противнике.

В 15:08 пароходы начали склоняться к югу, огигая рифы Митсусимы, направляясь к входу на огражденный свежими вехами фарватер, который обозначали две стоявшие на якорях миноноски, едва видимые в дымке с такого расстояния, да и то исключительно по дымам. А броненосцы и бронепалубные крейсера продолжали движение курсом на запад-северо-запад, идя наперерез приближавшимся с севера дымам, чтобы прикрыть конвой. Расстояние между транспортом и броненосцами начало увеличиваться.

Рожественский приказал снизить ход до самого малого, надеясь, что когда дальность уменьшится, японцы за его дымом уже не разглядят караван, спешно уходивший под самый берег. К тому же, имея ветер в спину, удерживая позицию как можно ближе к островам и к югу от противника, можно было стрелять со спокойной воды, заставляя его преодолевать воздействие качки и встречной волны, заливающей нижние порты и забрызгивающей оптику. До японцев, явно спешивших, было около 13–14 миль. Над горизонтом показались пока только

верхушки мачт, едва различимые на фоне густых темнобурых клубов. Они шли в двух группах. В дальней было три, а в ближней четыре корабля.

К этому моменту пришлось увеличить ход. При столь сильном ветре и значительной парусности борта на малом ходу броненосцы переставали управляться. Видимо, определив направление их движения, мачты на горизонте приняли к западу, быстро вырастая в высоту и выходя им наперерез.

Расстояние стремительно сокращалось, и скоро удалось разглядеть, что к нам приближаются две четкие боевые колонны. Ближайшая из них, несомненно, являлась главными силами супостата. Несмотря на довольно острый угол сближения, в головном был однозначно опознан «Якумо» под адмиральским флагом. За ним шел «Адзума», сразу узнаваемый по оригинальной комбинации труб. Третьим держался двухтрубный, вероятно, «Токива». Но того, кто замыкал главную колонну, никак не удавалось разглядеть за дымом шедших перед ним крейсеров, так что все на мостике флагмана терялись в догадках, что за четвертый броненосный корабль появился у японцев.

Чуть отстав от главной, шла вторая колонна, состоявшая всего из трех, скорее всего, легких крейсеров. Она пока еще едва угадывалась, и опознать в ней никого не смогли. Ни миноносцев, ни истребителей видно не было. Но они вполне могли скрываться где-то за большими кораблями. Однако довольно свежая погода оставляла им не много шансов для успешной атаки. Это позволяло надеяться, что дело ограничится чисто артиллерийской схваткой и удастся применить на практике последние наработки по этой части.

По мере своего продвижения на запад броненосцы резали курс японцам, ставя классический кроссинг «Т». Видимость в северном направлении вполне позволяла действовать по их большим крейсерам главным калибром на предельную дальность. К тому же они достаточно быстро приближались, так что тянуть с этим не стали. Едва головной оказался в зоне досягаемости, грянул залп.

В 15:36 с восьми миль «Александр III» начал пристрелку. Он бил двухорудийными залпами поочередно, из носовой и кормовой башен с минутными интервалами. Снаряды сразу легли хорошо, но из-за большой скорости сближения первые две пары ушли перелетами, упав недалеко от «Адзумы». Попаданий отмечено не было.

Шедшие за флагманом «Бородино» и «Орел» огня не открывали, чтобы не мешать. Установки прицела и целика сразу передавали на них, где все это тут же пересчитывали для своих пушек, в соответствии с позицией и назначенными целями. Так что вся русская колонна постоянно сопровождала их стволами пока молчавших башен.

Разрывы тяжелых фугасных снарядов от удара о воду было хорошо видно из артиллерийских рубок, а стереодальномеры позволяли не нащупывать противника, а вычислять его место. Новая немецкая техника обслуживалась нашими офицерами, хотя их инструкторы и были все время рядом.

Рассчитывая использовать по максимуму свое преимущество в виде хорошо освоенной точной стрельбы на предельную дальность, Рождественский распорядился сразу после накрытия пустить в дело новые тротильные снаряды и бить как можно чаще. Вероятность добратся до уязвимых потрохов броненосных крейсеров через их тонкие палубы миль с семи – восьми считалась гораздо большей, чем через достаточно хорошо защищенные борта на обычных дальностях ведения боя. Так что именно на стадии сближения на обычные дальности имелся реальный шанс одним – двумя результативными попаданиями нанести достаточно серьезный ущерб, чтобы заставить противника отступить. В этом случае удалось бы избежать появления хронически нежелательных повреждений на своих кораблях. Но это были только планы.

Уже третий залп дал накрытие по головному, и тут же на фалах взвился сигнал вступить в бой обоим другим броненосцам. Это произошло настолько быстро, что японцы даже не начали маневра уклонения от залпов. Совсем скоро на них посыпались тяжелые снаряды

со всей нашей броненосной колонны. «Бородино» и «Орел» стреляли по второму и третьему японским крейсерам с максимальной частотой, какую только могли обеспечить хорошо натасканные расчеты башен.

Достаточно длительные и затратные тренировки, подкрепленные последними усовершенствованиями, позволили достичь заметного роста именно боевой скорострельности главного калибра, что в сочетании с резко возросшей прицельностью на таких дистанциях наверняка стало для противника неприятным сюрпризом. Теперь с трех броненосцев с их дюжиной двенадцатидюймовок в среднем каждые двадцать секунд навстречу японским броненосным крейсерам уходила пара тяжелых фугасов. Причем постоянные накрытия просто не могли считаться случайными.

Условия видимости назначенных броненосцам целей сразу оказались различными. Головному не мешал никто и ничто, так что основательнее всех отремонтированный «Александр», за работой систем подачи и наведения которого приглядывал инженер Дукельский с «Металлического завода», руководивший всеми последними модернизациями башен линкоров, неизменно выдавал приличный результат.

Зато шедший в середине строя «Бородино» с самого начала потерял из вида выделенный ему «Адзуме», поскольку пороховой дым от частых залпов флагмана закрыл обзор. Из-за этого он не мог корректировать собственную стрельбу и использовал только переработанные под себя данные, продолжавшие передаваться с «Александра». Вдобавок его пушки, изношенные, но так и не замененные, поскольку менять их было просто нечем, элементарно не могли закинуть свои снаряды на предельную дальность. По этой причине они вынужденно пропустили несколько залпов, выжидая, пока сократится дистанция. Не пристреливаясь, а потом и подпуская противника, он надымил заметно меньше, чем облегчил жизнь концевому кораблю в колонне.

На замыкавшем «Орле» находился немецкий наблюдатель фрегаттен-капитан фон Шпее. По его словам, к моменту открытия огня этим броненосцем с его мостика головной «Якумо», окруженный высокими всплесками, был не очень хорошо виден за дымом впереди идущих русских кораблей. Но направление на три других японских крейсера главной колонны оставалось открытым. Однако и их серые силуэты временами терялись на фоне дыма, но уже из труб японских кораблей. По этой причине, даже находясь на палубе выше боевой рубки, совершенно не было возможности оценить эффективность стрельбы по «Токиве», ставшей его целью. Но, судя по постоянно поступавшим поправкам из артиллерийской рубки, оттуда все же видели его достаточно хорошо, хотя бы иногда, так же как и свои всплески.

В 15:44 наши броненосцы продолжали маячить чуть левее курса японцев, явно намереваясь все так же неспешно пересечь траекторию их движения слева направо. Четкое распределение целей и достаточно разомкнутый строй противника исключали возможность накладок при корректировке огня даже на таких непривычно больших дистанциях. Но, несмотря на то что русские пушки стреляли с регулярностью метронома, заметных результатов пока не было.

Возглавлявший вражескую колонну «Якумо» буквально продирался сквозь всплески плотных накрытий, а вот дальше за ним такой точности добиться уже не удавалось. С «Александра» хорошо видели, что огонь «Бородино» по «Адзуме» имеет лишь психологический эффект. Хотя все исходные данные были однозначно верны, а вносимые поправки учитывали, насколько это возможно, расстрелянность стволов, высоченные гейзеры от падений его парных залпов могли вздыматься одновременно за самой кормой «Якумо» и перед носом «Токивы», давая сразу и недолет, и перелет, с сопоставимым разбросом по целику. Фугасы «Орла» ложились неизменно кучно и не очень далеко от «Токивы». Но не каждый раз давали накрытия. Возможно, из-за скверной видимости хвоста японской колонны.

Японцы не отвечали, продолжая приближаться большим ходом. Казалось, что они разгадали наш замысел, и намерены максимально быстро проскочить самые опасные для их слабой

горизонтальной защиты мили. Ради этого они даже намеренно встали к нам вообще носом, приняв румба на два влево, осознанно лишившись возможности вести огонь со всех своих тяжелых кораблей, кроме флагмана.

Этим маневром они ненадолго ушли из-под огня. Но, вопреки ожиданиям, даже не пытались уклониться от полного охвата головы своего строя и лечь на параллельный курс. Таким образом, наша попытка сразу заставить их отказаться от преследования конвоя или хотя бы отвернуть к западу явно провалилась. «Якумо» стойко терпел продольный огонь, все еще не имея видимых повреждений. Еще немного, и он должен был начать «резать» корму броненосцам.

Дистанция уже позволяла использовать даже шестидюймовки, что было отмечено дружными залпами башен правых бортов «Бородинцев», но противник упорно молчал. Хотя на таких острых углах со всех трех броненосных крейсеров в ответ на наш огонь могли стрелять только две восьмидюймовки из носовой башни и одна шестидюймовка из верхнего переднего каземата сначала левого, а потом только правого борта «Якумо», но японцы почему-то не использовали даже этой малой возможности.

Из-за значительного расстояния и неудобного ракурса было еще невозможно как следует разглядеть, но похоже, амбразуры казематов на батарейной палубе кораблей противника оставались задраенными по-походному. Учитывая постоянно облизывавшие их пенные гребни, это было не удивительно. Встречная волна захлестывала даже палубы больших японских крейсеров в носу, обдавая башни и надстройки каскадами брызг, вплоть до верхних мостиков.

Скоро все, шедшие за головным, вообще оказались не видны за его корпусом и дымом, и их временно оставили в покое, целиком сосредоточившись на «Якумо». Неприятельская колонна, буквально засыпаемая снарядами, все так же молча, медленно смещалась в корму от траверза. Даже когда их флагман, наконец, озарился ярким разрывом первого отмеченного попадания, разметавшего куски настила палубы и обшивки на баке впереди надстройки, они не открыли огня, хотя к этому времени уже снова могли бить со всех четырех своих кораблей.

Учитывая изрядную скорость, их злое, молчаливое, целеустремленное движение начинало казаться каким-то мистическим, неотвратимым. Всего за четверть часа они смогли прорваться на стандартную дистанцию ведения прицельного огня, без видимого ущерба пройдя сквозь многочисленные плотные накрытия, каждое из которых могло и даже должно было стать роковым для любого из них. Наша позиция, совершенно обоснованно считавшаяся безупречно выгодной, в итоге так и не позволила в полной мере воспользоваться преимуществами нового приема ведения артиллерийского боя. Точнее говоря, японцы не позволили этого сделать.

В 15:49 броненосные крейсера начали последовательно ворочать влево, явно намереваясь проскочить под кормой наших броненосцев. Как только «Якумо», склонившись почти на два румба к востоку, лег на новый курс, японцы наконец начали пристрелку. Дальность в этот момент определялась в 42 кабельтова.

В боевой рубке «Александра», куда заблаговременно спустилось все командование эскадры, оставив открытый мостик ходовой рубки, стояла тяжелая тишина, нарушаемая лишь работой приборов да непрекращающимся бубнежом артиллерийских офицеров в их телефонные трубки. Никто не ожидал, что казавшийся гарантированно убойным и надежным на тренировках и учениях, новейший артиллерийский прием на деле окажется вовсе не таким смертоносным. Конечно, стальная посудина водоизмещением под 10 000 тонн, да еще и обвешанная броней со всех сторон, намного крепче старых деревянных шхун, забитых пустыми бочками, что успели наколотить десятками, пока учились. Но чтобы вот так! Считай, совсем безрезультатно! Это обескураживало!

К тому же с «Бородино» и «Орла» семафорили, что из-за сотрясений от такой частой стрельбы отходят контакты в приводах наведения и подачи, что вызвало пропуски залпов. На

«Александр» подобных проблем не было. Переделанная проводка, выполненная по проекту и мастерами питерского завода «Дюфлон и Константинович», исправно терпела такую интенсивную работу, в то время как французская, даже только что отремонтированная своими создателями с фирмы «Сотте-Арле», начала сыпаться с самого начала.

Все это еще больше усиливало общее разочарование. Теперь вместо благородно-эстетичного отстрела крейсеров противника почти на пределе видимости, к приятной мысли о котором уже успели привыкнуть, снова предстояло влезть в яростную бойню на выживание, причем желательно на пистолетных дистанциях. Да еще при этом не допустить расползания японских отрядов дальше к югу и постараться избежать их охватов. Этим, кстати говоря, уже следовало озаботиться незамедлительно.

Еще до начала японского маневра наблюдатели на флагмане совершенно потеряли из вида колонну японских бронепалубников. Опасаясь за конвой, все еще находившийся слишком близко к месту разгоравшегося боя, в 15:51 Рождественский распорядился отправить «Богатыря» и «Светлану» к нему, чтобы прикрыть от возможной атаки с кормовых углов, отразить которую, если она случится, одному «Донскому» с эсминцами будет затруднительно. Броненосцы же могут просто не успеть выдвинуться на перехват, связанные боем.

Так и не вступившие до сих пор в бой оба наши трехтрубных крейсера, дав полный ход, развернулись на юг и направились к берегу, быстро догоняя караван, уходивший на своих максимальных тринадцати узлах по обвехованному фарватеру. К моменту, когда тот миновал траверз мыса Саозаки, они встали в его хвосте, уравнив скорости и пристроившись в кильватер оттянувшегося на арьергардную позицию «Донскому».

За это время в сражении главных сил уже много чего произошло. Компактная колонна броненосцев почти сразу после ухода крейсеров начала разворот на обратный курс, круто ворочая «все вдруг» через левый борт. Предотвратить охват своего строя и прорыв к каравану Рождественский теперь мог только таким резким маневром. Временное прекращение собственной стрельбы под огнем противника должно было вскоре компенсироваться сохранением выигрышной позиции по волне и ветру.

В этот момент с концевой «Орла» обнаружили «пропавшие» японские бронепалубные крейсера, оказавшиеся немного восточнее своей основной колонны. Они уверенно обогнали «Якумо» на южном курсе и продолжали увеличивать разрыв. Их явно пустили в погоню за транспортами. Слишком поздно отправленные «Богатырь» со «Светланой» уже не успевали встать заслоном.

Если не вмешаться немедленно, отряд контр-адмирала Уриу имел хорошие шансы догнать свою цель. Учитывая взрывоопасный груз, в большом количестве имевшийся на каждом из пароходов, длительного обстрела для их уничтожения не потребуется. Нужно было срочно принимать какие-то дополнительные меры по пресечению этих поползновений.

В течение следующих двух-трех минут с «Орла» удалось надежно опознать все японские корабли. С облегчением разглядели, что замыкал отряд главных сил неприятеля всего лишь бронепалубный «Касаги», а в строю их легких крейсеров явно не хватало еще одного вымпела. Головным в растянувшейся дальней колонне шел «Цусима», выжимавший все из своих машин, чтобы быстрее проскочить мимо броненосцев. За ним тянулись «Акаси» и еще больше отставший старичок «Такачихо». Его двойника «Нанивы» нигде не было видно. Обо всем этом тут же сообщили на флагман и получили приказ «после завершения разворота в первую очередь бить по головному бронепалубнику».

Тем временем японцы уже могли прицельно стрелять со всех своих кораблей, хотя пока и не полными залпами. Ограниченные углы обстрела казематных пушек все еще не позволяли использовать средние и кормовые плутонги, а заливаемые встречной волной нижние оружейные порты действительно оказались задраены наглухо, по-походному. Это теперь было хорошо

видно в бинокль, так как японцы все больше поворачивались к нам своим правым бортом, а расстояние продолжало уменьшаться.

Огонь броненосных крейсеров был точным и быстро усиливался, в то время как наша стрельба вообще сошла на нет из-за предпринятого маневра. Броненосцы, грузно кренящиеся от резкой перекладки руля, шли, окруженные частыми всплесками. Двенадцатидюймовые башни, натужно гудя приводами, разворачивались на противоположный борт, готовясь возобновить стрельбу при первой возможности. Но с этим пришлось повременить. В 15:56, как раз к моменту окончания нашего разворота, главные силы противника начали снова менять курс, уходя теперь вправо и ложась почти на чистый зюйд, правая практически поперек курса нашей броненосной колонны. При этом они продолжали вести частый огонь башенными орудиями по «Орлу», ставшему головным. Однако, по причине своего очередного поворота, сбили прицел и себе и пока толком пристреляться еще не успели.

В то же время их бронепалубники продолжали нестись к берегу, уже выйдя на левую скулу «Орла». До них было чуть менее трех миль, и они тоже часто били, скорее всего, по среднему «Бородино». Но пальба их скорострелок, возможно, из-за хлесткой встречной волны, оказалась бестолковой. Снаряды ложились на большой площади много левее нашей колонны, словно их слали горстью, не глядя, в размах. Попаданий не было.

Встав на восточный курс, броненосцы сразу дали максимальные обороты на винты, начав медленно набирать потерянные узлы и без того невысокой скорости. Еще оставалась надежда успеть отсечь отряд Уриу от Цусимы. Пристрелку начали сразу, но теперь дым от двух головных, растаскиваемый ветром влево, мешал уже «Бородино», а еще больше – «Александр», безусловно, являвшемуся лучшим стрелком в эскадре. Хорошо видел все цели только «Орел». Но их было сразу семь на него одного.

Из-за всего этого первые минуты на новом курсе пристреливался только он один, ведя весь броненосный отряд снова поперек курса отрядов противника. Кормовые башни били по «Якумо», а все остальное – по «Цусиме». По всем статьям выходило, что пристрелка много времени не займет, и тогда мощь всей броненосной колонны обрушится на самураев.

Они не могли этого не понимать, но уклониться даже не пытались. Опять японцы, против всякой логики и здравого смысла, умышленно подставлялись под полный «охват головы», причем теперь сразу обеими своими колоннами. Они явно осознанно рисковали в самое ближайшее время упереться своими крейсерами в бок русской броненосной колонны, ритмично озарявшейся вспышками залпов.

Найти объяснение таким странным маневрам никак не удавалось. Казалось, что они бездумно прут напролом, надеясь, может быть, выйти на дальность прицельного минного выстрела, чтобы использовать даже большие броненосные крейсера как миноносцы, а потом бить наверняка, в упор своими скорострелками, в том числе и тяжелыми.

Но едва удалось добиться накрытия и возобновить прицельную стрельбу всем отрядом, головной «Якумо» резко положил право руля, ложась на курс 280 градусов. То есть на контркурс броненосцам. Следом за ним, традиционно «последовательно», ворочали «Адзума», «Токива» и «Касаги». При этом возглавлявшие колонну корабли на время перекрывали остальным сектора стрельбы. Только начавший набирать силу их ответный огонь снова стал беспорядочным и не точным.

Зато русские броненосцы получили возможность дать несколько залпов из всех шестидюймовых башен по створившимся целям, чем немедленно и воспользовались, выдав максимальный темп стрельбы. Были отмечены попадания во все броненосные крейсера, впрочем, снова не ставшие фатальными. Совсем рядом с «Касаги» тоже упало несколько снарядов, но это было чистой случайностью. Отвлекаться на него пока никто не собирался, так что он просто едва не стал жертвой шальных перелетов.

Двенадцатидюймовки воспользоваться моментом уже не успели. Все так же шедшая большим ходом японская колонна слишком быстро завершила маневр, так что ей удалось избежать тяжелых повреждений. Судя по всему, все корабли в ней до сих пор сохранили полную боеспособность, и после короткой индивидуальной пристрелки противник снова навалился всей мощью своей более производительной артиллерии.

Шимозные снаряды градом обрушились на броненосцы. А наши башни, уже выдавшие все свои резервы еще на первых минутах, теперь отвечали заметно реже. Всплесков вокруг «Бородинцев» вставало едва ли не вдвое больше, чем вокруг их противников. Так же соотносились и яркие вспышки разрывов в случае попаданий. Кстати говоря, в таких случаях русские тротильные снаряды теперь не исчезали бесследно для своих авторов в чужих потрохах, а давали хорошо заметные выбросы черного дыма, вперемешку с обломками, что неплохо стимулировало комендоров.

Общим результатом столь сложных маневров в завязке боя стало резкое сокращение дистанции между быстро сходящимися отрядами главных сил, сейчас с завидным энтузиазмом лупивших друг друга в полную силу уже всего с 18 кабельтовых. Причем обе колонны уверенно перли навстречу друг другу, но поскольку уже почти вышли на траверзы, расстояние практически не менялось.

Хотя броненосную колонну противника, все же так и не рискнувшую сойтись с нашей на пистолетный выстрел, удалось не пустить под берег, «Цусима» и прочие из его отряда продолжали двигаться полным ходом на юг немного восточнее района схватки главных сил. Они вели огонь полными залпами правым бортом.

Их уже не раскачивало на волне, поскольку достигли тихой воды, что сразу сказалось на точности стрельбы. Так же как несколько минут назад это сделали наши броненосцы, японские крейсера реализовали классический охват головы отряда Рождественского и нагло стегали частым продольным огнем гораздо более сильного противника, на первых порах почти ничего не получая в ответ.

Но, несмотря на все преимущества позиции отряда контр-адмирала Уриу, свежая погода не позволила японцам воспользоваться этим в полной мере. Ветер оставался встречным и продолжал забрызгивать оптику, не давая достоверно определять дальность. Ее приходилось все время уточнять пристрелкой. О большом числе попаданий в таких условиях нечего было и мечтать. Из троих броненосцев страдал только «Орел», словивший несколько снарядов с «Цусимы». Но ему быстро удалось за это покуситься.

Закончив разворот, он пристреливался шестидюймовками по «Якумо». Но сразу был вынужден уделять гораздо больше внимания назойливому бронепалубнику, обстреливая его из носовой и средней башен левого борта. Заставить отвернуть этого шустрого и упорного японца всего четырьмя пушками среднего калибра не удалось, а отсесть от конвоя своими корпусами броненосцы уже явно не успевали, поскольку были гораздо медлительнее. Оставалось только постараться достать артиллерией.

Двухорудийные залпы патронных пушек быстро нащупали дистанцию до нового противника, и тут же изрыгнула огромные языки порохового дыма носовая двенадцатидюймовая башня. Однако не удачно. Дульными газами сбило один из якорей с полки, уже покореженной от разрыва японского фугаса на обшивке борта прямо под ней, а попаданий не последовало.

Дистанция между головным русским броненосцем и самым наглым японским бронепалубником быстро сокращалась, и обе стороны сейчас посылали друг в друга снаряды с предельной частотой. Широкая туша «Орла» полностью закрыла «Цусиму» от остальных, а тянувшиеся за своим флагманом «Акаси» и «Такачихо» считались второстепенными целями и продолжали оставаться в тепличных условиях необстреливаемых кораблей, пользуясь чем, дружно били по «Бородино», давая накрытия. Броненосные крейсера целиком сосредоточились на концевом «Александр», шедшем под адмиральским флагом.

Благодаря такому стечению обстоятельств в самом восточном секторе сражения на несколько минут сложился бой один на один. Как бы все равно, если не учитывать разницу в весовых категориях противников. Но, как это ни странно, страдал пока только гораздо более сильный из оппонентов. Он поглощал своим утюгообразным профилем снаряд за снарядом, разбрасывая в стороны и вверх всполохи пламени и дыма от разрывов, кувыркавшиеся и дымящиеся куски разодранной стали или снопы искр рикошетов, отбиваемых толстой броней.

К 16:01 «Цусима» оказался от него всего в 8 кабельтовых прямо по курсу. К этому времени носовая и средняя шестидюймовые башни правого нестрелявшего борта уже были развернуты по носу и готовы принять эстафету сопровождения цели. Но тут японца, наконец, достал очередной залп 305-миллиметровой башни с высокого полубака броненосца.

Было прекрасно видно, как, получив одно или два попадания тяжелых снарядов, он выбросил пар из-под палубы и из вентиляционных раструбов впереди грот-мачты и, резко сбавляя ход, покатился влево. Сначала казалось, что крейсер потерял управление и вот-вот выскочит на камни, широкой грядой отходявшие к западу от Митсусимы. Их было хорошо видно по пенным гребням перекачивавшихся через них волн. Но он благополучно обошел отмель, все дальше уходя влево, постепенно разворачиваясь на обратный курс и заметно замедляясь.

Тем временем отряды тяжелых кораблей продолжали обмениваться залпами на контр-курсах. Они уже проскочили траверз друг друга, и дистанция начала увеличиваться. Броненосные крейсера приняли немного влево, направляясь теперь строго на запад. Опасаясь, что таким образом, имея превосходство в скорости, они могут проскочить за кормой броненосцев к конвою, Рожеественский снова приказал ворочать «всем вдруг» на обратный курс. На этот раз через правый борт.

Предстояло снова минут пять молча терпеть быстро учащавшиеся попадания, особенно во флагман. А потом отбиваться в кормовых секторах от легких крейсеров, а в носовых – от броненосных, при этом находясь под продольным огнем с тех и других. Избежать охвата все же не удалось. Оставалось надеяться, что хотя бы получится не пустить никого дальше к югу.

На циркуляции с броненосцев отвечали, и то невпопад, только противоминные батареи. А Като все так же усердно бил всеми своими главными силами по «Александрю», которого прекрасно видел всего в 19 кабельтовых на юго-востоке. На такой дистанции даже начатый нами разворот не слишком затруднял стрельбу. Бронепалубники тоже не терялись и подходили все ближе. Упиваясь безнаказанностью, они регулярно попадали по обеим своим целям.

Хотя весь маневр был выполнен безупречно и максимально быстро, после завершения своего второго разворота русские оказались позади японской колонны, уже начавшей охват головы нашего строя и резко усилившей нажим на флагмана. Всплески близких разрывов окружали его со всех сторон.

Чтобы уйти от этого, Рожеественский почти сразу принял на два румба влево, ложась на параллельный с противником курс и приказав снова дать самый полный ход.

Дистанция по дальномеру определялась в 29 кабельтовых. Японцы явно не спешили ни увеличивать ее, ни сокращать и собирались максимально использовать преимущества своей позиции. Они усердно пристреливались и все больше забирали влево, вынуждая броненосцы еще сильнее склоняться к югу.

В итоге довольно скоро обе колонны оказались на чуть сходящихся юго-западных курсах и прекратили резкое маневрирование. При чем теперь уже наши броненосцы немного опережали японцев. Като, похоже, это вполне устраивало. Словно устав от постоянных метаний, теперь он вел свой отряд большим ходом как по нитке, ведя частый, но не очень точный огонь. Судя по всему, брызги все еще мешали ему взять верный прицел, что вынуждало нащупывать дальность ритмичными залпами, ложившимися все с меньшими перелетами.

Пароходы конвоя сейчас едва видели с мостика «Александра III» более чем в восьми милях южнее. Они уже обогнули покрытый густой зеленью мыс Саозаки и продолжали удаляться на юг-юго-запад вдоль заросших лесом гористых склонов. С тыла их прикрывали все три крейсера, чьи серые силуэты выделялись на фоне берега, а в голове держались эсминцы. Их место указывал лишь дым, поднимавшийся из-за горизонта, да едва торчавшие над ним самые верхушки мачт.

Еще дальше к югу, уже у входа в бухту Ната, поднимались дымы «Олега» и ведомых им пароходов и миноносцев трального каравана, коптивших небо трофейным углем за целый флот. Все эти шлейфы почти створились для наших наблюдателей, сливаясь в сплошной широкий хвост, сносимый ветром к северу-северо-западу. Причем, по мере удаления от берега, образовавшееся серое облако садилось к воде. И хотя его изрядно раздиргивало ветром, мутная хмарь больше расплзалась в ширину, чем вверх. По этой причине видимость впереди по курсу оказалась гораздо хуже, чем на западных и северных румбах.

Японцы снова пристрелялись довольно быстро, оставив главной целью «Александра», и опять начали бить сосредоточенным огнем исключительно головного. Но из-за свежей погоды они не могли использовать почти половину своих шестидюймовок. К тому же их стрельба стала реже, хоть и оставалась такой же точной. Наши башни сейчас никаких проблем со стрельбой не ощущали, ни из-за волн, ни по техническим причинам. За время разворотов многочисленные и капризные французские контактные группы, уже изученные вдоль и поперек, успели исправить, так что частота залпов с обеих сторон сравнялась.

Русские предпочли распределить наиболее опасные цели между всеми своими кораблями линии. Флагманский «Александр» бил по «Якумо», «Бородино» – по «Адзуме», а «Орел» – по «Токиве». Суммарное число наших попаданий примерно соответствовало японским, но из-за размазанности, чисто визуально создавалось впечатление большей результативности противника.

Замыкавший японскую колонну «Касаги» не обстреливался никем, поскольку сейчас не представлял реальной опасности. Явно перегруженное артиллерией детище завода Крампа, в разы уступавшее в размерах творениям европейских корабелов, волнами трепало больше всех. Хотя обе колонны шли в «тени» островов, отголоски свежей погоды с пролива все же заметно сильнее доставали дальнюю от берега шеренгу броненосных крейсеров. Глядя на то, как «Касаги» зарывался распухшим от казематов носом даже в такие небольшие волны, с трудом можно было представить себе, что он может в этих условиях еще и прицельно стрелять с подветренного борта. В самом деле, вспышки выстрелов с него сверкали заметно реже, чем с остальных, а куда уходили выпущенные им снаряды, вообще было непонятно.

В отличие от первого получаса сражения, когда японцы удивляли раз за разом, действуя совсем не так, как от них ожидали, и вынуждая Рождественского изворачиваться на пупе, чтобы купировать угрозы, в начале пятого часа пополудни оно, по сути, перешло в более спокойную фазу усердного пропускания через стволы пушек содержимого артиллерийских погребов. Размеренная работа людей и механизмов, сопровождавшаяся вздрагиваниями корпуса от собственных залпов и чужих попаданий, сдобренная запредельным выбросом адреналина, подстегиваемого гулом появившегося кое-где пламени, запахом гари и вонью сработавшей шимозы или тротила, да воем разлетающихся осколков с криками боли и предсмертными хрипами тех, кто оказался у них на пути.

Ведя теперь бой с главными силами японцев правым бортом, все три броненосца одновременно пытались остановить левыми шестидюймовыми башнями упрямо рвавшиеся к конвою два оставшихся бронепалубника. Но успеха не добились. Брызги, подхватываемые ветром, залепляли башенные прицелы, а высоко стоявшие дальнометры работали только на основные цели.

Несмотря на обстрел, «Акаси» и «Такачихо» продолжали рваться на юг и все сильнее жались к берегу. Было хорошо видно, что теперь они совершенно не страдали от погоды и порой довольно точно укладывали свои залпы. Однако эффективной стрельбе мешало их собственное активное маневрирование под градом шестидюймовых снарядов, сыпавшихся с носовых углов. С дистанции примерно в 35–40 кабельтовых ни мы, ни они никак не могли добиться попаданий.

Осознав, что таким манером их не отбить, даже если Като не выкинет какого-нибудь фортеля, Рожественский распорядился передать прожектором на «Богатырь» и «Светлану», уже огибавших мыс Тариозаки, приказ развернуться и встретить настырных японцев подальше от конвоя. Но после двух повторов светограммы никакого отзыва не было. Только после передачи этого приказа по радио, наконец, приняли положенный ответ.

Выполняя распоряжение, крейсера первого ранга в 16:26 круто положили право руля, развернувшись на север-северо-восток, и дали полный ход. С «Акаси», а тем более с «Такачихо» их еще не могли видеть за мысом Саозаки, так что у Добротворского имелись хорошие шансы «приятно удивить» своего противника.

Тем временем в бою с главными японскими силами явно обозначился наш успех. В 16:10 после очередного залпа главного калибра с «Орла» на «Токиве» был отмечен сильный взрыв в районе носового двухъярусного каземата левого борта. Высокий столб дыма с прожилками огня выбросило вверх, раскинув в стороны крупные обломки, после чего на темном силуэте мелькнули длинные и яркие языки пламени, а из обеих труб вырвались струи пара. Сразу прекратив огонь, крейсер выкатился вправо, быстро пропав из вида в собственном дыму и дыме из труб остальных кораблей.

На броненосцах решили, что на нем рванули погреба. Кто-то даже утверждал, что видел в дымных разводах, как он переворачивается и тонет. Но спустя всего три минуты, когда «Орел» уже бил по «Адзуме», покинувший свою колонну японец снова открыло взорам – горящий, явно замедлившийся, тем не менее на ровном киле и на ходу.

А спустя пять минут уже «Адзума» после нескольких кучных накрытий начал травить пар из второй и третьей трубы, заметно сбавляя ход. Рухнула фок-мачта, срубленная снарядом, и явно наметился крен на левый борт. Вскоре он тоже вывалился из строя, но отвернул влево. Сначала решили, что пытается подрезать нам корму, однако он продолжил левую циркуляцию и лег на обратный курс, чем временно перекрыл директрису стрельбы замыкавшему колонну «Касаги», и без того не очень преуспевшему.

Видя это, «Бородино», лишившийся оппонента, и «Орел», только-только пристрелявшийся, сразу перенесли огонь на «Якумо», чередуя залпы с флагманом. Но вскоре «Бородино» начал стрелять по «Касаги», чтобы не мешать собратям с новыми пушками своими всплесками, упрямо не поддававшимся точным математическим прогнозам.

К этому времени русскую и японскую колонны разделяло всего 20 кабельтовых. Против трех эскадренных броненосцев, из которых видимые повреждения имел только флагман, оставалось всего два японских крейсера, причем один из них – бронепалубный, исключительно из-за своего бронепробивающего главного калибра включенный в линию баталии.

Когда ему, наконец, уделили серьезное внимание, он почти сразу оказался накрыт шестидюймовым залпом, получив снаряд в батарейную палубу у второй трубы. Чрезвычайно плотная компоновка снова вышла японцам боком, так как русский фугас, полноценно рванувший среди пушек и приготовленных к бою снарядов, существенно сократил расчеты и вызвал крупный и опасный пожар.

Но японец в долгу не остался. Сразу два его двадцатимиллиметровых снаряда наконец достигли цели. Но поскольку попадания обеих гранат пришлось в броню батареи и верхнего пояса «Орла», от их взрывов пострадала только краска, да появилось несколько небольших осколочных пробоин выше брони.

О них забыли сразу после получения доклада об отсутствии значимых повреждений. Но когда спустя меньше минуты в правый борт на уровне жилой палубы угодил уже 203-миллиметровый бронебойный снаряд с того же «Касаги», похоже, вошедшего во вкус, преимущества крупного калибра были продемонстрированы со всей наглядностью.

Пройдя через каюты кондукторов, он ударился в бимс и рикошетом ушел вниз, проломив 27-миллиметровую защиту крыши средней батареи. Разорвался он уже на броне палубы. Его осколки разбили ограждения вентиляционной шахты правой машины и пробili броневою палубу (два слоя судостроительной стали по 19 миллиметров), проникнув в машинное отделение. Там они пробili масляную цистерну, а дым от разрыва тут же втянуло вентиляцией в машину, выведя на время из строя всю вахту. От удушья в жарком отсеке шесть человек даже потеряли сознание и были вынесены наверх. В результате машина начала сбавлять обороты, что привело к снижению хода. В самой машине также имелись некоторые повреждения от осколков, из-за чего она больше не могла выдавать полной мощности.

Учитывая условия, в которых оказался «Касаги», даже столь результативное попадание можно целиком приписать неизбежным случайностям. Тем более что после этих трех снарядов, настигших броненосец всего за одну минуту, других результатов и не было. Оказалось, что это все, чего он смог добиться в том бою, ставшем последним и для него.

Дуэль почти не бронированного крейсера с броненосцем не могла продолжаться долго, даже учитывая расстрелянные двенадцатидюймовки «Бородино». Уже в 16:25, после еще нескольких попаданий средним калибром, не давших видимого результата, в «Касаги» прилетела и трехсоттридцатикилограммовая стальная бомба. Сразу же все ростры захлестнуло паром, быстро сползшим на корму. И в этот момент его накрыло следующим двухорудийным полузалпом главного калибра.

С броненосца хорошо видели, как один из снарядов ушел серьезным перелетом, а второй вошел в борт чуть ниже главной палубы между трубами. Но никаких новых видимых внешних результатов этого попадания так и не проявилось. Прокатившись по инерции еще пару кабельтовых вперед, «Касаги» окончательно остановился. Волнами его начало разворачивать лагом к ветру и все сильнее раскачивать. Он быстро уходил за корму, впуская часть из уцелевших пушек. По нему больше не стреляли.

Столь быстрая развязка с выходом из боя троих из четырех основных противников стала не меньшей неожиданностью для всех в боевой рубке «Александра», чем прокол с дальней стрельбой. Окончательная победа теперь казалась совсем близкой. Оставалось только добавить японского флагмана да порвать двоих бронепалубных нахалов, если, конечно, броненосный крейсер не отступит, а легкие недомерки не сбегут, что казалось самым логичным в сложившихся обстоятельствах. Долго им втроем против пятерых точно не продержаться.

Начиная с половины пятого пополудни уже все три броненосца били с 15–17 кабельтовых только по «Якумо», удивительно стойко державшемуся под таким огнем. Несмотря на попадания, он сохранял ход и продолжал отвечать из обеих башен и кормового каземата. Все остальные шестидюймовки замолчали после сильного взрыва в районе первой трубы, отмеченного еще в 16:24, после чего там начался мощный пожар, а вскоре последовало несколько ярких вспышек на палубе. Они были очень похожи на взрывы боезапаса, и после них пожар распространился дальше в корму.

Дальнейшее его распространение, судя по всему, остановили, но спустя несколько минут после очередного разрыва тяжелого снаряда в районе третьей трубы произошло новое возгорание. Почти сразу эти пожары слились в один огромный костер, охвативший почти всю середину крейсера. Но все же японец германского происхождения не останавливался, не тонул и не взрывался, хотя и начал замедляться. Да и стрелял он теперь заметно реже и много хуже.

Но к этому времени он и выбывшие напарники уже вполне достойно отметились по своему непосредственному оппоненту. В «Алекса́ндра» попало не менее десятка только тяжелых

снарядов, большей частью именно с «Якумо». Вторая труба оказалась сильно разрушена в задней части двумя последовательными попаданиями 203-миллиметровых снарядов, из-за чего дым из нее широким саваном заволакивал ростры. Во втором отделении кормовой кочегарки пришлось вывести из действия три котла, поврежденных осколками. Шестидюймовая башня на правом срезе была намертво заклинена ключьями разодранной обшивки после попадания крупного снаряда в задний край ее ниши. Правую якорную полку разворотило на всю длину, а якоря с нее выбросило в море. Обрывок якорной цепи теперь свисал из клюза и волочился по волнам, взбивая пену. От взрыва снаряда на мостике у первой трубы загорелись ящики с сигнальными флагами и ракетами, а также разбитые осколками трехдюймовые патроны в носовой противоминной батарее правого борта. Сами орудия, закрытые коробчатыми щитами, не пострадали, но в расчетах были тяжелые потери. Еще четыре больших снаряда ударили в поясную броню, однако защиту не пробили. Из 16 попаданий средним и противоминным калибром самое неприятное пришлось в мамеринец кормовой шестидюймовой башни, заклинив ее. Имелась сквозная пробоина в первой трубе и многочисленные повреждения фальшборта. Правую заднюю грузовую стрелу перебило и отбросило за гротмачту, и в нескольких местах разворотило небронированный надводный борт. Остальные снаряды почти безвредно разорвались на броне башен, носового и кормового казематов, средней батареи и бортового пояса. Кроме густого чада от пожара на мостике и клубов угольной гари из разорванной трубы, дым валил и из-под палубы бака, где смрадно горело масло из расколотого большим осколком редуктора шпильевой машины.

Когда «Якумо» остался один, интенсивность обстрела резко снизилась. Вполне логично, что и попадания во флагман Рождественского почти прекратились. Но, как выяснилось, самые тяжелые повреждения были еще впереди. В 16:32 снаряд из очередного залпа японца угодил в стык крыши и лобовой плиты носовой башни, чуть правее амбразуры правого орудия. Уйдя рикошетом вверх и влево от своей первоначальной траектории, он разорвался над леерами второго яруса мостика, на уровне смотровых щелей боевой рубки.

При этом часть обломков брони проникла через командирский колпак в самую башню, после серии рикошетов вызвав возгорание порохового полузаряда на лотке левого орудия. Правое было уже заряжено, и его затвор успели закрыть. Загоревшийся порох поджег и второй полузаряд, уже поданный в ствол, ударивший тугой огненной струей внутрь башни. Вспышка яркого пламени выплеснулась из ее амбразур, сразу сменившись тяжелым бурым дымом. Весь расчет погиб на месте, а сама башня оказалась выведена из строя.

Одновременно в боевой рубке проникшими туда осколками были убиты командир броненосца капитан первого ранга Бухвостов и лейтенант Церетелли из штаба адмирала. Штурман лейтенант Северцов и младший артиллерийский офицер лейтенант Демидов получили ранения. Сам Рождественский тоже был ранен в грудь и в голову. Штурвал резко перебросило влево, после чего привод руля вышел из строя. Неуправляемый броненосец покатился в циркуляцию и прекратил огонь.

К этому времени «Акаси» и «Такачихо», уже отбитые Добротворским, очень некстати начали отход от конвоя на северо-запад, именно в его сторону. Не преуспев в попытке прорыва к транспортам, являвшимся их главной целью, теперь они увидели перед собой прекрасную возможность отыграться.

До половины пятого часа дня японские легкие крейсера рвались по следам конвоя, как гончие за кабаном. Обстрел с броненосцев их так и не остановил. Медленно опережая наши главные силы, они уверенно продвигались вдоль берега на максимально возможной для них скорости. При этом старичок «Такачихо» все больше оттягивался за корму более молодого «Акаси». Поэтому когда головной японец, едва миновав мыс Саозаки, угодил под очень плот-

ный обстрел откуда-то с юга, со второго бронепалубного крейсера все еще не видели его обидчиков и не могли помочь.

Тем временем крейсер капитана первого ранга Усико уже открыл ответный огонь всем левым бортом. Быстро поняв, что путь на юг наглухо перекрыт, так как к уже видневшимся вдалеке транспортам мимо двух больших русских бронепалубников точно никак не проскочить, в 16:32 Усико приказал круто повернуть вправо. Ситуация была еще далека от критической. Дистанция позволяла организованно отступить. А к моменту завязки полноценного боя «Такачихо» успевал подтянуться.

Но японцам не повезло. Хотя дальномер выдавал сорок кабельтовых до «Богатыря», а до шедшего ему в кильватер «Светланы» еще больше, уже в третьем русском залпе последовало попадание в корму, где сразу начался пожар. Из-за дыма этого пожара с «Такачихо» не смогли разобрать поднятый на фалах сигнал и морзянку сигнального фонаря с мостика «Акаси», сообщавшего о противнике. Но довольно скоро и с отстающего увидели открывшиеся за мысом трехтрубные силуэты.

При этом из-за своего резкого маневрирования в ходе прорыва, предшествовавшего этой стычке, оба японца лишь ненамного смогли опередить нашу главную колонну. А поскольку шли сходящимся с ней юго-западным курсом, дистанция от броненосцев до них в момент начала отворота не превышала 27 кабельтовых, и их прекрасно видели чуть впереди правого траверза головного «Александра». Из-за этого оставалось только с максимальной поспешностью отступить в северном направлении, проскочив у Рождественского под кормой, продолжая бой с крейсерами на отходе.

Однако еще до завершения их разворота русский флагман неожиданно вывалился из строя, явно потеряв управление. Тут же оба японских легких крейсера бросились к нему. «Акаси», хотя и горел в корме, резвости еще не потерял и активно отстреливался. Первое почти случайное попадание в него так и оставалось до сих пор единственным. Продолжавшие преследование «Богатырь» со «Светланой» мазали, хотя дистанция продолжала уменьшаться. А «Такачихо» вообще до сих пор не был под огнем и после разворота сразу продолжил бить по броненосцам, оказавшимся для него заметно ближе.

Получив «контузию», сам «Александр» уже не имел реальной возможности полноценно отбиваться от двух небольших крейсеров. Руль все еще не действовал, а наводить уцелевшие башни на быстроходные цели с кренящегося в крутой циркуляции броненосца было явно ненадежным делом, так что японцы расстреливали его почти безнаказанно. Часто таявкавшие трехдюймовки никак не могли считаться адекватным ответом. Тем более что и они мазали.

С флагмана не подавали никаких сигналов, поскольку роковым попаданием не только спалило башню и выбило командный состав, но еще и вымело мостик, свалив укрывавшуюся за броней рубки с неподбойного борта сигнальную вахту. Но и так было совершенно очевидно, что такой резкий бросок в сторону от почти добитого врага вовсе не маневр, а следствие повреждений. Поэтому «Бородино», шедший вторым в русской колонне, продолжил движение прежним курсом, чтобы отжать огрызавшегося и не желавшего тонуть «Якумо» от подранка. А замыкавший строй «Орел», с которого скоро углядели явно обозначающуюся японскую атаку, так же круто положил «лево руля». Теперь для него главными целями снова оказались легкие крейсера, уже встречаемые башнями левого борта с «Бородино». «Акаси» почти закрыло всплесками пристрелочных полузалпов.

Японцы правильно поняли маневр корабля, замыкавшего русскую колонну, и обрушились всеми своими скорострелками на «Орла», вынужденно молчавшего в развороте. Теперь даже ветер не мешал им, и огонь с короткой дистанции оказался весьма эффективным с самого начала. За те долгие несколько минут, что потребовались капитану первого ранга Юнгу, чтобы лечь на восточный курс, его корабль получил целых девять попаданий, снова с носовых ракурсов.

Сначала был пробит фальшборт под левой носовой противоминной батареей за мостиком. Затем в течение десятка секунд три снаряда разорвались на небронированной обшивке позади средней башни и еще один – на лобовой плите кормовой башни главного калибра. Его осколки изрубили надстройку между кормовыми шестидюймовыми башнями, но на боеспособности броненосца это никак не отразилось, так же как и несколько разрывов на бортовой броне.

Но когда снарядом, влетевшим в амбразуру носового трехдюймового каземата, подожгло разбитые осколками беседки со снарядами, вспыхнул сильный пожар, сопровождающийся детонациями. Перегородки разбило взрывом и сбитой со станка пушкой. За считанные секунды оказались повреждены все четыре трехдюймовки, стоявшие в нем, немногие выжившие получили ранения и ожоги. Дым, быстро проникший в подбашенное отделение, затруднял обслуживание носовых орудий главного калибра, заставляя нервничать прислугу погребов. Там почувствовали очередной резкий маневр, а потом услышали резко участвовавшие удары вражеских снарядов по корпусу и большой «бабах» где-то рядом, но толком не знали, что творится наверху.

В дополнение ко всему в этот момент откуда-то из дыма вдалеке на северо-западе неожиданно появился «Токива», тут же открывший огонь по обоим створившимся для него русским броненосцам. Ответить этому недобитку оказалось уже некому. Утешало, что это пока было не слишком опасно.

К тому времени как «Орел» встал на восточный курс и смог снова наводить свою башенную артиллерию, быстро приближавшийся «Акаси» оказался всего в девяти кабельтовых от него прямо по носу. Все пушки, способные простреливать эти сектора, сразу разрядили, фактически прямой наводкой. С мостика видели, как рвущийся к подбитому броненосцу крейсер ловил снаряд за снарядом.

Но первый эффект от них оказался близок к нулю. Несмотря на несколько достоверных попаданий из бортовых башен, отлично видимых с такого расстояния, разрывов или хотя бы какого-то иного их воздействия отмечено не было. Даже когда удачно лег в цель один из снарядов носовой 305-миллиметровой башни, ничего не изменилось. Все в боевой рубке хорошо видели, как он вошел в борт под кормовым мостиком, выбив сноп искр, но за этим абсолютно ничего не последовало. Бронебой, поданные к орудиям для боя с тяжелыми кораблями, просто прошивали узкий корпус крейсера третьего ранга насквозь без разрыва.

Только когда в дело пошли поднятые из погребов фугасы, появились видимые повреждения. Тротиловые гранаты эффектно разорвались в носу и в середине корпуса недалеко от ватерлинии, но в азарте атаки «Акаси» их не почувствовал. Он продолжал нестись вперед и часто стрелять из всего, что было. Вполне благополучно пересек курс и, выходя в позицию для торпедной стрельбы по «Александру», оказался в секторах стрельбы кормовых башен «Орла». Тут он сразу получил еще одно достоверное попадание тяжелым снарядом куда-то в борт позади второй трубы. Опять бронебоем, поскольку пушки там уже были заряжены еще для «Якумо». И снова ничего!

Шестидюймовки не выпускали «Акаси» из-под кучных накрытий, уже полностью перейдя на фугасы, но остановить его так и не смогли. Вместе с часто таявавшими трехдюймовыми батареями левого борта они лишь еще больше подпалили корму да выбили пару орудий.

Но в 16:42 его везению все же пришел конец. Когда он уже почти настиг все так же беспомощно кружащийся русский флагман, тяжелый фугас из перезарядившейся носовой башни «Орла», выпущенный вдогонку, дал, наконец, результативное попадание. Дистанция в этот момент уже начала увеличиваться, но еще не превышала полумили, то есть оставалась в пределах прямого выстрела.

Хотя сам взрыв снаряда, проткнувшего борт снова за второй трубой, так и остался невиден, взметнувшийся сразу за этим столб пара из трубы и вентиляторов второй кочегарки дал

понять, что до хрупких и жизненно важных внутренностей крейсера он все же смог добраться. «Акаси» начал быстро замедляться и тут же получил залп из кормовой башни, успевшей заглотить толстыми казенниками уже фугасы. Они оба очень хорошо легли под самым бортом, прямо в ватерлинию.

Когда всплески от взрывов опали, стало видно, что всю середину японца заволокло паром, густо валившим из-под палубы и всех дефлекторов. Он окончательно встал, начав заметно клониться влево и почти перестав стрелять. Не меняя курса, «Орел» прошел за его кормой, уже сильно горевшей и совершенно разрушенной, еще какое-то время продолжая выметать палубы частым продольным огнем противоминных пушек из бортовых батарей и кормового каземата. Все серьезные калибры к этому моменту уже было приказано наводить на более приоритетную и опасную цель, которой в данный момент, несомненно, стал «Такачихо».

Но для этого еще нужно было развернуть тяжелые бронированные башни на носовые углы, что требовало некоторого времени. А пока по японцу с остервенением били башни и немногочисленные трехдюймовки правого борта, способные простреливать носовые сектора, до того, как он ушел за диаметральной влево, успевшие сделать всего несколько прицельных выстрелов. Несмотря на смешную дистанцию, остановить бронепалубный крейсер почти в четыре тысячи тонн водоизмещения это, конечно, не могло. Даже на его стрельбу заметным образом не повлияло.

Пытаясь уклониться от почти состоявшейся атаки, Юнг приказал положить «право руля». Но на такой бандуре мгновенно руль не перекинешь, и огромный тяжелый корпус броненосца явно не успевал уйти с линии возможного торпедного залпа. Дистанция стремительно сокращалась. Противоминные батареи левого борта хлопали с максимальной частотой, начав мазать из-за того, что палуба качнулась под ногами комендоров от резкого изменения курса.

«Такачихо», пользуясь тем, что с самого начала этой атаки по нему вообще никто не стрелял, спокойно держал максимальные обороты на винтах и методично обстреливал «Орел» с острых носовых углов. Его снаряды вскрыли надводный борт слева от форштевня выше брони, разбили правое крыло мостика и повредили обе трубы.

Но, самое главное, отсутствие какого-либо противодействия и хороший обзор всего поля боя позволили экипажу довольно медлительного старого крейсера как следует осмотреться и, срезав угол, занять максимально выгодную позицию для минной атаки сразу обоих русских кораблей аппаратами разных бортов.

Когда подстрелили почти прорвавшегося к цели «Акаси», он уже вышел на финишную прямую, находясь чуть справа по носу от «Орла», и быстро приближался к нему, завершая поворот влево и вставая на встречный западный курс. Теперь первая намеченная жертва сама бежала под выстрел. Дальше предполагалось проскочить между вражескими линкорами на минимальной дистанции, побортно отстрелявшись из траверзных аппаратов. Их уже подготовили, тщательно осмотрев и проверив мины.

С броненосца прекрасно видели открытые минные порты и выдвинутые в боевое положение совки. А башни, тяжело гудя моторами и редукторами, безнадежно запаздывали с разворотом и теперь уже точно никак не успевали захватить такую близкую и опасную цель до точки минного выстрела.

В этот момент в бой вновь вступил «Александр». Описав менее половины своей уже третьей циркуляции, он наконец восстановил работу рулевого привода, встав почти строго на восточный курс. Теперь появилась возможность нормально стрелять из того, что осталось. Его пострадавшая носовая башня хотя уже и меньше дымила, все еще не действовала. Так и замерла, развернув стволы вправо, чуть за траверз. Но для кормовых пушек и всего правого борта угол доворота, чтобы привести «Такачихо» в сектор стрельбы, оказался минимальным, так что почти сразу после восстановления управления три шестидюймовые башни и кормовая главного калибра смачно разрядились в упор.

Для японца неожиданный залп с русского флагмана оказался почти мгновенным концом. Ни с «Орла», ни с «Александра» так и не успели разглядеть, сколько и каких снарядов попало. Видели только, как в 16:43 в районе грот-мачты из его правого борта вырвался вверх и в стороны сноп огня и обломков. Тут же рядом с яркой вспышкой рвануло еще что-то, после чего последовало несколько гораздо более мощных взрывов, закрывших сначала корму, а потом и весь крейсер облаком дыма и пара. Одна за другой упали мачты. Вокруг падали в воду обломки. Это был явно конец для него.

А спустя меньше минуты очнувшийся от нокдауна «Александр», проходя совсем близко за кормой «Акаси» и наверстывая пропущенное, вогнал залп из шестидюймовых башен уже своего левого борта еще и в эту неподвижную мишень. Промахов почти не было. Снаряды взбили столбы воды под самым бортом или вошли в корпус с острых кормовых углов. Взрыватели сработали штатно. И без того уже накренившийся крейсер дрогнул, но этим весь видимый эффект и ограничился. Он так и не начал стремительно валиться набок или проваливаться в воду кормой, как ожидали, хотя этот залп наверняка прикончил его. Трехдюймовки, еще раньше принявшиеся обильно сыпать бронебоями, заставили замолчать немногие последние уцелевшие орудия.

Дать второй залп уже не успели. Очнувшийся флагман тоже начал круто ворочать через правый борт, выходя на пересечку курса все еще довольно далекого «Токивы», до сих пор сильно дымившего из огромного провала в борту слева от командирского мостика. Несмотря на это, он продолжал посылать залп за залпом по скучившимся русским броненосцам.

К этому времени «Бородино», сцепившийся с «Якумо» на предельно малых дистанциях, совершенно скрылся в дыму юго-западнее. На месте гибели «Такачихо» все еще продолжало клубиться, поднимаясь вверх и закручиваясь, грязное серое облако, полностью закрывшее для «Орла» с «Александром» агонизирующего «Акаси». Примерно в трех милях строго на юг виднелись наши бронепалубники, все еще несшиеся на выручку атакованным броненосцам, но так и не успевшие принять участие в ликвидации угрозы.

Вдруг над ними взвились три ракеты цветного дыма. По своду сигналов это означало минную опасность. Судя по всему, с них обнаружили мины в воде. Это объясняло маниакальное упорство японцев при сближении, а потом в сохранении своими главными силами именно юго-западного курса. Похоже, они надеялись загнать броненосцы на минное поле.

Сейчас единственным реальными достигаемым противником для «Орла» и «Александра» оказался подбитый, но отнюдь не беззубый «Токива». Правда, он явно был не в лучшей форме. С него стреляли, причем совсем не часто, только башенные орудия и верхний кормовой каземат. Но все их снаряды на такой дальности ложились с большим разбросом, и попаданий он все еще не добился, хотя на нервы действовал.

Подходить ближе к двум броненосцам на нем явно не спешили. А после того как «Александр» и «Орел» уверенно легли на западный курс, так и не справившийся с повреждением броненосный крейсер и вовсе постарался уклониться от боя. Едва поняв, что безнаказанности пришел конец, прекратил обстрел и начал активно маневрировать, заметно ускоряясь.

С первых минут преследования стало ясно, что он явно превосходит в скорости «Орла», а особенно «Александра», заметно севшего носом из-за затопленных на всякий случай погребов носовой башни. Довольно быстро ему удалось затеряться в дыму, сносимом ветром от ушедших на юго-запад кораблей.

В 17:12, поняв бесперспективность продолжения погони, броненосцы прекратили преследование, развернувшись на юг. Туда, откуда еще совсем недавно доносился гул тяжелых залпов, теперь почему-то стихший. Видимость в южной части горизонта совсем испортилась. Ни своих, ни чужих кораблей теперь не было видно, а волна, ставшая встречной, захлестывала в имевшиеся на обоих пробоины выше броневых пояса. Для их заделки пришлось снизить ход до малого. Радио не работало из-за поврежденных антенн. Ситуация оставалась неясной.

После выхода из строя нашего флагмана, а следом и «Орла», для его прикрытия против «Якумо» остался только «Бородино». Поскольку главный калибр был изношен уже до предела и не мог стрелять точно, к тому же все тротильные снаряды для него успели израсходовать, командир броненосца капитан первого ранга Серебренников не надеялся быстро прикончить своего противника, оказавшегося невероятно живучим. Для ускорения дела он распорядился призвать сигналом бронепалубники Добротворского, так как считал, что оставшиеся где-то в дыму за кормой два броненосца вполне в состоянии постоять за себя в борьбе с небольшими японскими крейсерами.

К моменту получения вызова Серебренникова «Богатырь» и «Светлана» уже несколько минут не могли стрелять по своим японским собратьям, слишком близко подошедшим к нашим броненосцам. Четыре серых силуэта почти сливались друг с другом и серой стеной ложившегося на воду дыма позади них в двух с половиной милях севернее.

С мостика «Богатыря» видели, как откуда-то из этого столпотворения выбросило облако белого пара. Что стало тому причиной, никто не знал. А немного погодя сигнальщики радостно завопили, что «Александр» правит прямо и снова стреляет. Причем, судя по сильной вспышке, высветившей профиль «Орла», и поднявшемуся где-то за ним характерному грибообразному облаку, стало ясно, что стреляет неплохо, и кто-то из японцев, похоже, вообще взорвался.

На отправленные с «Богатыря» запросы ответов с броненосцев не было, так что Добротворский понятия не имел, что именно там творится. Когда разобрали сигнал с «Бородино», его крейсера все еще продолжали нестись полным ходом к флагману, надеясь все же успеть отметиться.

Рассчитывая, что корабли линии, отразив атаку, немедленно вернутся к своей главной задаче и оставят покалеченные японские крейсера ему на добивание, он не спешил исполнять приказ Серебренникова, бывшего с ним равным по званию, и пусть назначенного младшим флагманом, но всего лишь командиром корабля первого ранга, а не начальником отряда. К тому же впереди маячила реальная возможность записать именно на свой счет достаточно увесистого японца. Но как лучше обставить подобное игнорирование, еще не решил.

Недолгие колебания Леонида Федоровича с принятием решения прервал доклад сигнальщика. С шедшей следом «Светланы» обнаружили плавающую мину, скорее всего, сорванную с якоря, о чем сразу подали условный сигнал ракетами и отмигали ратьером на головного.

Тут же и с «Богатыря» увидели эту опасность всего в полукабельтове справа по корме от крейсера. В свете такой новости взрыв японца мог иметь совершенно другую причину. Хотя встречавшие конвой тральщики в этих водах мин и не нашли, вполне могло оказаться, что и крейсера, и маячившие впереди броненосцы уже находились на минном поле, выставленном дальше от берега. Им просто везло до сих пор, а вот кто-то из японцев нарвался на свою же мину.

Вполне возможно, что это совсем новое заграждение, и о нем был извещен только японский командующий, а их легкие крейсера, из-за превратностей боя оторвавшиеся от главных сил, оказались в неведении. Путь на север для добора подранков теперь казался опасным. Вообще было желательно срочно убраться подальше от берега.

Как только «Орел», а следом и «Александр» закончили разворот через правый борт, выходя на западный курс, Добротворский тоже повернул на юго-запад и начал нагонять далеко оторвавшийся от всех головной броненосец. Он собирался обогнать его и занять позицию прямо перед японским флагманом, откуда и начать громить его продольным огнем. Там мин точно не должно было оказаться. Более короткий путь на аналогичную позицию позади «Якумо» не давал преимуществ, так как бить его с кормы будет мешать дым и ветер, закидывающий брызгами оптику.

Начать стрелять сразу возможности не имелось. Сначала было далеко, а потом противника почти полностью закрыло корпусом «Бородино». Только спустя четверть часа гонки на полном ходу, еще даже не встав в голову формируемой колонны, большие бронепалубные крейсера смогли наконец открыть огонь. К этому времени Добротворский уже изложил свои сообщения Серебренникову семафором и получил «добро».

В 16:49, находясь впереди и левее «Бородино» и быстро его обгоняя, «Богатырь» дал первые пристрелочные залпы по «Якумо» с 14 кабельтовых. Японский флагман уже ничем не мог ему ответить. Продолжая двигаться наперерез, быстро пристрелялись, по мере сокращения дистанции перейдя на беглый огонь. Ход снизили, чтобы сохранить удобную позицию, обстреливая горящий броненосный крейсер фугасами продольным огнем с прямой наводки. Корректировка больше не требовалась.

Броненосный крейсер, уже заметно замедлившийся к этому времени после очередного попадания тяжелого снаряда куда-то в середину корпуса, сопровождавшегося выбросом пара, начал набирать дополнительные повреждения еще и от многочисленных скорострелок обоих русских крейсеров первого ранга.

В его теперешнем положении это становилось весьма опасно, поскольку вся защита в постоянно омываемой волнами носовой части уже ушла под воду, и новые пробоины быстро увеличивали поступление воды. С ней уже явно не справлялись насосы. Вполне возможно, что прекратись бой сейчас, до ближайшего своего берега он бы и так не добрался. Однако окончательную точку в карьере «Якумо» поставил следующий нашедший его двенадцатидюймовый снаряд.

В 16:58 после попадания снаряженной пироксилином стальной бомбы в борт напротив первой башни перед командирским мостиком поднялся высокий столб огня, в котором сразу совершенно исчезли сама башня и передняя часть надстройки. В воздух взлетели какие-то обломки, а нос начал еще сильнее зарываться в волны. Весь мостик быстро заволокло дымом, вырывавшимся откуда-то из потрохов, и от разраставшегося пожара, в котором продолжали сверкать вспышки отдельных, уже не таких мощных взрывов, ход падал. Быстро нарастал крен на левый борт. Уцелевшая артиллерия замолчала.

С «Бородино» и крейсеров тоже прекратили огонь, поскольку всем стало ясно, что противник тонет. Оставленный в покое японец тут же двинулся к цусимскому берегу, развернувшись к обогнавшим его русским крейсерам своим правым, не пострадавшим в бою бортом. На «Бородино», оказавшемся в семи кабельтовых у него перед носом, сначала решили, что он пытается ввести в дело свой штевневый минный аппарат, и дали еще один залп. Но ответа не последовало. Да и крышка этого аппарата уже глубоко ушла под воду, что исключало возможность его использования. Достать наши крейсера, оказавшиеся у него теперь совсем рядом справа, «Якумо» тоже не пытался. Да и не мог этого сделать из-за увеличивающегося крена влево.

По нему больше не стреляли, давая остаткам экипажа возможность спастись. Там, где не было огня, люди уже толпились на палубе, готовясь бросить в воду все, что могло плыть. Но таких безопасных островков, зажатых со всех сторон огнем, на избитом японском флагмане осталось совсем немного. Кто-то, не выдержав, прыгал в воду.

Не имея времени для организации спасательных работ, командир «Бородино» капитан первого ранга Серебренников приказал идти на север, а крейсерам следовать за ним. Оттуда доносились раскаты не таких уж и далеких залпов. Небольшой отряд двинулся назад, но, учтя сведения о минах, полученные от Добротворского, приняли мористее. «Александра» и «Орла» постоянно вызывали по радио, но те молчали, хотя никаких помех не было. Канонада тоже стихла. Крейсера запросили о повреждениях и потерях, но таковых не оказалось.

Вскоре смог стал редеть. Справа, примерно в семи милях к северо-востоку, открылся район недавнего боя между японскими легкими крейсерами и броненосцами, где угадывался

силуэт одинокого горящего парового судна. Из-за неудобного ракурса опознать его не смогли, но на броненосец оно было не похоже. Да и по докладу Добротворского наш флагман и его опекун смогли отбиться и удалялись на запад, когда он их видел последний раз.

Спустя еще пару минут хорошего хода уже различили в серой мгле прямо по курсу характерные высокортные двухтрубные силуэты. Они стояли без хода. Приблизившись, обменялись опознавательными и сообщили об агонии «Якумо», запросив дальнейших инструкций с флагмана. В ответ узнали, что «Такачихо» взорвался, а «Акаси» разбит, не имеет хода и не боеспособен.

Активно обменивались семафорами. Выяснилось, что на «Орле» и «Александре» повреждены растяжки антенн, поэтому они не могут использовать свой беспроволочный телеграф и вызовов с «Бородино» не слышали. Из всех трех броненосцев больше всего пострадал, естественно, флагман. Он все еще горел, а носовая часть сидела в воде заметно глубже обычного. Однако выяснилось, что подводных пробоин все же нет, а изменение осадки вызвано вынужденным затоплением носового погреба главного калибра из-за произошедшего возгорания в башне. Его уже начали осушать. Потери в людях оказались большими. Только теперь на «Орле», «Бородино» и крейсерах узнали, что тяжело ранен и сам адмирал Рожественский.

Так сложилось, что после выхода из строя флагмана русской эскадрой фактически никто не командовал. Броненосцы разделились и не видели друг друга, действуя индивидуально. «Орел», чей командир являлся младшим флагманом в броненосном отряде, находился рядом с «Александром», прикрывая его и не имея возможности видеть все поле боя. «Бородино» добивал остатки японской броненосной колонны, и его командир также не обладал достаточной информацией для отдачи каких-либо распоряжений. А к тому времени, когда все сошлись вместе, бой, можно сказать, уже кончился.

В соответствии с пунктом боевого приказа, доведенного до всех офицеров еще во Владивостоке, в командование отрядом теперь вступил капитан первого ранга Серебrenников. И сейчас ему нужно было срочно принимать решение, начать отлавливать японских подранков либо идти к Цусима-зунду, следом за конвоем, для его защиты.

Но дальше к югу даже в самом проливе было полно мин, так что соваться туда считалось слишком опасно. Свежая погода не позволяла организовать встречу непосредственно из Цусима-зунда. Да и готовых к выходу тральщиков там уже не осталось. Единственный безопасный путь в Озаки в сложившихся обстоятельствах начинался от Окочи, поскольку фарватер от Цусима-зунда туда уже был пробит и проверен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.